

Владимир Черпилло

16+

Сталинград-2042

Дай Бог, если фантастика

Владимир Черпилло
Сталинград-2042

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Черпилло В. Э.

Сталинград-2042 / В. Э. Черпилло — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08526-8

Хотя действие книги «Сталинград-2042» разворачивается в далеком 2042 году, от узнаваемости действующих персонажей и обстоятельств, предшествующих началу ядерной войны становится не по себе. Ее героям придется на себе испытать, к чему приводит безответственность политиков и равнодушие простых людей. Тем, кто не готов был ни чем пожертвовать ради свободы и справедливости, через несколько лет придется заплатить страшную цену. "Может быть, третья мировая давно началась, а мы не заметили этого?" - говорит один из главных героев и, возможно он недалек от истины, судя по выпускам новостей.

ISBN 978-5-532-08526-8

© Черпилло В. Э., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

Тревожное утро

Ивана разбудил какой-то грохот. С трудом возвращаясь из приятного, но тут же забытого сна в реальность, он понял, что это был всего лишь шум закрывшейся дверцы микроволновки. Зрение постепенно сфокусировалось на сидевшей за столом фигуре соседа по комнате Виталика, поглощавшего свой завтрак быстрого приготовления. Иван пошевелился, потягиваясь, и сосед сразу это заметил.

– Проснулся, соня, ну хорошо, успею тебе подарок вручить, а то на работу уже пора.

Виталик встал, порылся в комод и вытащил красную коробку небольшого размера.

– Держи, боец, с днем рождения!

Иван уже протер глаза, сел на кровати и раскрыл врученный другом подарок. В коробке лежал красивый выкидной нож с пластиковой черной рукояткой. Он достал его, примерил в ладони, нажал на кнопку, и лезвие выскочило со щелчком, хищно сверкнув на солнце.

– Класс! Спасибо, брат!

В последнее время, с началом активных боевых действий народ как с ума посходил. Модно стало дарить всякое оружие, и не только холодное. Те, кто побогаче, могли автомат или пулемет другу подарить.

Война. Воспоминание об этом окончательно вырвало Ивана из сладкого сна в жестокую реальность. Даже день рождения, всегда такой приятный праздник в этом году совсем не радовал.

– Ладно, я побежал, – Виталик уже допил кофе и натягивал кроссовки, – хорошо отпраздновать вам, пацанам и Машке привет.

– Спасибо, передам. Еще раз благодарю за то, что подменил меня на работе.

– Да ладно, ты ведь меня в мой день рождения тоже подменишь?

– Без базара, помню, двадцатого сентября, заметано, – Иван поднялся с кровати, они обнялись с другом, и когда тот вышел за дверь, снова плюхнулся в кровать. Встать совсем не хотелось, настроения не было никакого. Глянул на их совместное фото с Машкой у памятника Минину и Пожарскому, сделанное прошлой осенью здесь, в Горьком. Последней мирной осенью. Ухмыльнулся подписи под фото, «Минин и Пожарская». Фамилии их с Машкой так подходили к памятнику, что друзья распечатали эту фотографию, вставили в рамку с надписью и подарили им на Новый год.

Кстати, название Горький среди нижегородцев так обратно и не прижилось, они по-прежнему называли его Нижний. Интересно, называет ли кто его Волгоград Сталинградом, – подумал Иван. Он уехал из родного города по распределению в Нижний как раз прошлым летом, когда вышел тот знаменитый указ правительства о возвращении советских названий нескольким городам в честь столетия начала второй мировой войны. В тот год как раз большинство в Госдуме получили по итогам выборов коммунисты и социалисты, они и продавили этот указ. Кроме Сталинграда и Горького, там был Ленинград и еще несколько, которых Иван не помнил. Не запомнил он названия городов, в которых не был, поэтому повесил на стену над кроватью политическую карту мира, восполнял пробелы в географии. А в Ленинграде, тогда еще Питере и Москве успел побывать, очень они его впечатлили своей архитектурой, уровнем жизни, отличными дорогами и роскошными автомобилями, ничего такого в провинции давно не наблюдалось. Распределился на Горьковский автозавод, производивший тогда гибридные «волги» для чиновников и электрические «Газели», а сейчас перешедший на бронетехнику и армейские грузовики.

– А ведь ровно год прошел, сегодня как раз 22 июня 2042 года, – промелькнуло у него в голове, – и как сильно все изменилось. Хотя, если подумать, война преследовала его с самого рождения. Еще с пеленок он смотрел фронтовые репортажи из Сирии и Донбасса. В детском саду все только и говорили о конфликте в Приднестровье, который потом перерос в большую войну на Украине. Все его школьные и студенческие годы прошли под прессом ожидания начала третьей мировой. Постоянные вооруженные столкновения с НАТО под Калининградом, на границе с Польшей, в Черном и Балтийском морях, участие России в гражданских войнах в Венесуэле и на Кубе. Сбитые самолеты и потопленные корабли часто подвешивали мир над пропастью на таких тонких ниточках, что только чудо их не оборвало.

Потеряв тогда Приднестровье, которое поглотила вместе с Молдавией усилившаяся благодаря американским вливаниям Румыния, Россия отыгралась на Украине. Благо, украинское правительство поводов давало предостаточно. Притеснение русской православной церкви, убийства священников и верующих, постоянные обстрелы Донецка и Луганска, вооруженные провокации на границе с Крымом. Все это российское правительство терпело, пока «правому сектору» не удалось, наконец, подорвать Крымский мост. Это и стало последней каплей для начала широкомасштабного наступления русских танковых дивизий, закончившегося на Днепре. Конечно, окончание операции было обусловлено не тем, что у танков кончилось горючее и не тем, что украинцы взорвали все мосты через Днепр. Просто цели войны были достигнуты, Крым получил сухопутную связь с материковой Россией и, что самое главное, воду из Днепра по Северо-Крымскому каналу. А брать на себя финансовую ответственность еще и за жителей центральной и западной Украины наше правительство не хотело. Мост не было уже необходимости восстанавливать, тем более, что и без теракта он трещал по швам из-за отвратительного качества строительства и плохих грунтов. Целое десятилетие после этого происходил постоянный обмен беженцами, русских на восток, украинцев на запад, взаимные обстрелы и диверсии, пока все как то собой не успокоилось. Но санкции за это Россия получила, естественно, по максимуму. Никто из молодежи уже и не помнил другого интернета, кроме Рунета, иномарки и иностранные смартфоны давно уже исчезли из продажи, не считая конечно, китайских.

Китай, вот кто грел руки на России все то время, пока она воевала с ИГИЛ, Украиной и НАТО, боролась с санкциями. Постепенно у россиян не осталось другого импорта, кроме китайского. А после отключения от «СВИФТ», Китай помог даже создать собственную систему межбанковских платежей «КИБЕРПЛАТ». В общем, песня сталинских годов «русский с китайцем братья навек» была гимном последних двадцати лет. До раннего утра 1 января 2041 года, когда все в России пили шампанское и закусывали оливье с винегретом, китайские десантные части перешли замерзший Амур на всем его протяжении и практически без боя разоружили пограничные заставы. В это же время сотни транспортных самолетов пересекли границу и сбросили десант с бронетехникой ко всем военным объектам Сибирского и Дальневосточного военных округов, полностью блокировав их с земли. За одну ночь вся восточная часть России за рекой Обь оказалась во власти Народно-освободительной армии КНР. Новосибирск и Барнаул уже утром оказались разделены по реке Обь на восточные и западные части, а на мостах стояли китайские блокпосты.

Это была странная война. Не надо забывать, что за последние 30 лет Сибирь и Дальний восток были и так уже фактически захвачены китайскими переселенцами, а все лучшие земли и предприятия сданы им в аренду. На китайские инвестиции строились дороги, мосты, предприятия и жилье. Естественно, правительство нагрелось на этом, поэтому ссориться с богатыми инвесторами, а уж тем более начинать ядерную войну на своей бывшей территории не хотелось. Тем более, почти все боеспособные части, авиация и бронетехника были давно перебросены к западным границам, прикрывая Калининград, бывшую восточную Украину, западные и южные границы от НАТО. Поэтому ограничились громкими воплями в ООН и везде где только можно. Но к тому времени у России репутация была уже такая, что все страны в

ответ только язвительно злорадствовали. Только Белоруссия с Казахстаном осудили китайскую агрессию, но и то, как то двусмысленно.

Поговаривали, что российский корпус морской пехоты отказался разоружиться, принял бой и был уничтожен китайским «градом», да еще одна танковая дивизия вырвалась из окружения, смяла китайские части и ушла на запад. Китайцы не стали ее преследовать, тем более что увидели в воздухе десятки боевых вертолетов и штурмовиков, принявшихся утюжить китайский десант. Жестокие сражения происходили и в небе. С окруженных аэродромов поднимались самолеты, вступали в бой и уходили на запад, на другие аэродромы. Тихоокеанский флот также не весь был захвачен в портах. Нескольким кораблям удалось вырваться в море, где вместе с подлодками они организовали упорное сопротивление, потопив большую часть китайского ВМФ. Все эти отчаянные операции производились офицерами Сибирского и Дальневосточного округов самостоятельно, на свой страх и риск, пока Москва молчала, погрузившись в новогодний анабиоз. В то же время по секретной связи российские олигархи от правительства пытались договориться с китайцами о гарантиях на свои нефтяные и газовые скважины, трубопроводы, которые еще не были тем проданы. Удалось договориться также о космодроме «Восточный», нескольких портах, ракетных базах и других объектах и имуществе.

Тем временем как китайская сторона уже утром объявила о восстановлении исторической справедливости, возвращении своих исконных земель и назначила дату референдума по вопросу присоединения Сибири и Дальнего востока к Китаю, Москва лишь вечером разродилась заявлением о коварной агрессии, призвав мировое сообщество ее осудить. Понятно, какой результат референдума можно было ожидать, учитывая, что китайцев к 2041 году в Сибири и на Дальнем востоке было уже в четыре раза больше, чем русских. Поэтому в феврале китайский Новый год они праздновали уже на бывшей российской земле, официально присоединенной к Китаю на основании законного с их точки зрения референдума. Не зря говорили, что лучше китайцев никто не копирует. Вот и скопировали они у русских присоединение Крыма к России в 2014 году с помощью «вежливых зеленых человечков». Только на этот раз человечки были желтые и не особенно вежливые.

Как российская официальная пропаганда не пыталась первое время скрыть ужасающие потери с обеих сторон, до населения все равно доходила информация о боевых столкновениях, восстаниях, беженцах и партизанской борьбе. В Москве, Ленинграде, других крупных городах прошли многотысячные демонстрации против олигархии, продавшей Сибирь и Дальний Восток, но все они были разогнаны гвардейцами. Российское правительство тогда еще пыталось по-хорошему договориться с китайским об «отступных», но те вскоре поняли, зачем платить, если можно все забрать даром. Не трогали они пока только шахты с ядерными ракетами, опасаясь ответного удара или подрыва и космодром «Восточный», также охраняемый ракетчиками.

От этих грустных мыслей Ивана отвлек звонок коммуникатора. Поскольку все иностранные слова в России были официально заменены на русские, смартфоны переименовали в коммуникаторы, но чаще их называли по-старому мобильниками.

Иван увидел на экране фото родителей и нажал зеленую кнопку. Включилась видеосвязь, родители хором поздравляли его с днем рождения, желали всего самого-самого, он благодарил в ответ, но видел, что лица у них какие-то настороженные и озабоченные.

– Ты хоть приезжай к нам в этом году, с Машенькой вместе – повторяла в который раз мать, – может в последний раз увидеться доведется, а то вот что в мире делается.

– Приедем, приедем, я отпуск в августе уже согласовал, а у Маши каникулы еще будут. У нее последний год остался в школе, мы решили свадьбу сыграть, когда ей 18 исполнится, в ноябре.

– Ой, хоть бы дождаться, – заплакала мать. Отец стал ее успокаивать, потом они скомкано распрощались и отключились.

Иван встал, прошел в маленький санузел и встал под прохладный душ. Окончательно проснувшись, вытерся махровым полотенцем и начал бриться. Из зеркала на него глядел темноволосый, молодой, кареглазый парень, с уже пробивающейся кое-где щетиной.

– Родители-то как постарели, – подумал Иван, нанося пену из баллончика себе на лицо. Опять почувствовал к ним какую-то жалость и укор к себе. Зачем он уехал из родного города, мог и на Сталинградский тракторный устроиться, его как раз тогда восстановили, а сейчас уже говорят, танки делают. Но тогда Машку бы не встретил, тут же вспомнил он, опять почувствовав укол совести теперь с другой стороны, будто между двух огней оказался.

Иван вернулся в комнату, включил кофеварку, достал из холодильника упаковку завтрака быстрого приготовления и засунул ее в микроволновку. Пока еда разогревалась, включил ЖК-панель на стене. На самом главном официальном канале шло очередное политическое шоу. Теперь основной темой стала не Украина, НАТО и США, а китайская агрессия. До правительства дошло, наконец, что никаких отступных не будет и начало разогревать народное возмущение. Хотя несколько месяцев до этого всячески пыталось его притушить, банило блогеров в Рунете, сообщавших правду о зверствах оккупантов и даже сняло с должностей нескольких генералов и офицеров, хоть как то пытавшихся организовать оборону.

Ведущий Канарейкин, стоя в позе Наполеона во френче цвета «хаки» с почти натуральным возмущением поливал пометом китайское руководство, предавшее дружбу между «братскими народами». Присутствовавшая массовка выражала единодушное мнение, что не сегодня, так завтра китайский народ проснется и скинет ненавистное правительство, вернет России ее исконные земли и все заживут счастливо как раньше.

– Даже не смешно, – ответил вслух телевизору Иван, ведь все знали, какие огромные участки российской земли выделило китайское правительство всем, участвовавшим в агрессии, уж они от этого никогда не откажутся. Да и количество китайцев, вложившихся в этот захват деньгами, и переехавших на новые земли исчислялось десятками миллионов. Как раньше зажить уже точно не получится.

– А Канарейкин то уже даже без тросточки, – только сейчас заметил Иван и вспомнил, как еще недавно тот вел свои передачи, сидя в инвалидном кресле, потом опираясь на красивые дизайнерские костыли, – как он говорил, «пострадал за правду от украинских националистов» в своем роскошном итальянском поместье.

– Сколько же лет ему, – подумал Иван, глядя на засохшего старика с пергаментной кожей, но до сих пор бодрого, с глазами, горящими праведным огнем. Он помнил его с рождения, засыпал под его передачи вместо «спокойной ночи, малыши». До сих пор Канарейкин был одним из немногих россиян, сохранивших как свое второе итальянское гражданство, так и имущество за границей. Недаром назвался там «артистом», может, поэтому и не считал его там никто пропагандистом, а с шоумена какой спрос.

Переключил экран на Рунет, поискал свежие ролики еще не арестованных блогеров и удивился, увидев Красную Балаклаву. Этого знаменитого парня арестовали еще три месяца назад за то, что показывал интервью с беженцами из Сибири и Дальнего востока. Может, подменили? Нет, голос тот же, глаза вроде те же. Значит, не расстреляли, держали в тюрьме, знали, что пригодится. Ветер переменился, понадобилось снова, как в 1812 и в 1941 превращать войну империалистическую в отечественную.

В репортаже Красной Балаклавы показывали какой-то кошмар: обожженные дети, женщины, раненные старики на носилках рассказывали, с каким трудом им удалось вырваться из китайского рабства, где их заставляли без отдыха работать за похлебку и каким издевательствам подвергали.

– Что-то новенькое, – подумал Иван, запивая кофе уже съеденный синтетический омлет с ветчиной, – раньше в новостях рассказывали, как китайское правительство заботится об оставшихся на бывшей родине россиянах, принявших китайское гражданство, какую пенсию выпла-

чивает старикам, почти вдвое больше российской. Да и зарплата у оставшихся намного превышала ту, которую они бы получали, живя в России. Поэтому никто и не удивлялся, что количество беженцев не превысило за прошедшую зиму двадцати процентов россиян, живших на оккупированной территории.

После разговора с родителями осталось какое-то тревожное чувство. А когда закончился репортаж даже холодок пробежал по спине. Неприятное предчувствие сковывало движения и постепенно вводило мозг в ступор. Иван посмотрел на часы, время до встречи с друзьями в ресторане еще было, и решил сходить в заводской бассейн поплавать. Убрал посуду в автоматическую мойку, оделся, собрался и вышел из комнаты.

На улице уже по-летнему палило солнце, на небе ни облачка, чирикали воробьи, громко ворковали и водили хороводы голуби. Из раскрытых окон их общаги раздавалась музыка, слышались женские крики и ответная мужская ругань. Общежитие было семейное, и Иван стал мечтать, как после их свадьбы с Машей он будет жить здесь с ней, а не с вечно храпящим Виталиком, со временем они так же будут переругиваться с ней по утрам. Бассейн располагался через улицу напротив и в комплекс с ним входил фитнес-центр с тренажерными залами, который построил Горьковский автозавод для своих сотрудников.

Пройдя через турникеты и взяв на стойке персонала полотенца, Иван прошел в раздевалку и столкнулся там с Сергеем из соседнего цеха.

– Здорово, Ванек, – почему то шепотом поздоровался тот и, удостоверившись, что их никто не слышит, прямо в ухо прошептал, – сегодня поздно ночью возвращался от девушки своей, видел огромный состав с танками и БТР, шел на восток к Борскому мосту через Волгу, что-то серьезное начинается, мне кажется.

– Да? А я репортаж Красной Балаклавы сегодня утром смотрел, выпустили его, оказывается. Он у беженцев из Сибири интервью брал, посмотри в Рунете, полный пипец.

– Лады, посмотри, – заговорщически прошипел Серега, хлопнул его по плечу и вышел из раздевалки.

Иван с удовольствием поплавал около часа, в тренажерный зал не пошел, не было настроения потеть в жару, и вернулся к себе в общагу. Увидел два пропущенных звонка от Машки, перезвонил.

– Так-так, где это ты был с утра, именинник? В ее голосе сквозила наигранная ревность.

– В бассейне поплавал, солнце мое, чтобы чистеньким быть на день рождения, – ангельским голосом ответил Иван.

– Ладно, прощаю. Поздравляю с днем варенья и желаю тебе быть самым любящим, верным и послушным мальчиком на свете. Машка не выдержала и засмеялась.

– Конечно, все только для себя пожелала, обиженно протянул Иван. Ладно, встречаемся в пять вечера в нашем ресторанчике.

– Хорошо, любимый, все остальное там получишь, до встречи.

Иван услышал гудки и тоже отключился. Первый раз так меня назвала, – с удовлетворением заметил он и положил телефон на подоконник солнечной батареей к свету. Китайский «хуавей» довольно замигал индикатором, показывая половину заряда.

От нечего делать включил телевизор и сразу уперся в суровый взгляд Государя. Старик Подорожный сильно постарел. Иван и не помнил уже, сколько ему лет, не молод тот был еще с его детства. Когда Ваня родился, Подорожного еще называли Президентом, потом изменили Конституцию, отменили этот пост и долго звали просто Главой государства. А лет десять назад «по воле народа» и по предложению покойного главы ЛДПР, распавшейся сразу после его смерти, переименовали в «Государя». Конечно, называли его так только на официальных каналах, простые люди по прежнему звали по фамилии, иногда переиначивая ее в разговорах между собой на разный лад, чтобы «прослушка» не срабатывала.

Иван пытался понять скрытый смысл телеобращения и уяснил лишь, что китайцы, нарушив все договоренности, захватили космодром «Восточный», выслали оттуда всех российских специалистов и не пускают новую вахту. Кроме этого, были высланы рабочие и инженеры с нескольких сибирских нефтяных и газовых объектов, принадлежащих России. К тому же, вчера пропал или был сбит российский спутник системы «ГЛОНАСС» и у российской стороны есть обоснованные подозрения, кто мог приложить к этому руку. И в конце уже последовала традиционная фраза про «адекватный ответ», «асимметричные меры» и прочие «страшные» угрозы.

– Они уже половину России захапали, а мы только грозимся, – Иван с раздражением щелкнул выключателем. Вид этого высохшего лысого старика с ледяным взглядом, несмотря на передовую медицину и косметологию все-таки неотвратимо дряхлеющего, но цепко держащегося за власть вызывал отвращение. Может он, правда верит в загробную жизнь и как фараоны надеется туда утащить все свои богатства, наложниц, замуравив их в своей гробнице? Нет, скорее его окружение, все эти олигархи, чиновники, насосавшие миллиарды за десятилетия его правления, не дают ему уйти на покой. Ведь тогда они могут все потерять, народ никогда им не простит столько лет ограбления страны. А за границу их ни одна страна не пустит, только если сразу на нары. Выбор у них невелик – комфортная иностранная тюрьма или родная зона.

А что делать то? Машкин дед вон ерепенится, все играет в революционера-подпольщика, ездит на всякие митинги то в Москву, то в Питер, толку то? Да раза в кутузке по пятнадцать суток провел, гвардейцы пару ребер сломали, вот и весь результат его борьбы. Бабушка Маши его уже из дома выгнать грозит, если свою революцию не прекратит. А тот все носится со своим любимым Завальным. Лично Иван уже и не помнил такого блогера, но старики рассказывали, что тот до двадцатых годов очень известным был борцом с коррупцией. Только однажды выехал с семьей в Грецию отдохнуть, а обратно его и не пустили, лишили гражданства, всего имущества и запретили въезд в страну как иностранному агенту. Он потом из-за бугра долго ругался насчет этого по интернету, пока его в России совсем не отключили. А по Рунету попробуй, поругайся.

Раздался звонок и Иван вздрогнул. Может служба безопасности научилась мысли читать как в какой-то фантастической книжке. Точно, вспомнил он, в романе «1984» Джорджа Оруэла сажали людей за «мыслепреступление».

Оказалось, звонил Андрюха, он заехал пораньше на своей машине и звал спускаться. Иван причесался, надел новую рубашку и лучшие джинсы, нацепил поясную сумку со всем необходимым, проверил карточки, ключи и документы. Таскать что-то в руках он не любил, нравилось иметь руки свободными. В последний момент вспомнил про подарок Виталика, вынул нож из коробки и сунул в задний карман, чтобы похвастаться перед друзьями.

Выйдя во двор, увидел зеленую электрическую «ладу» Андрюхи последней модели, которой тот очень гордился. Ее хозяин стоял рядом, картинно облокотившись на крышу и покуривая электронную сигарету. Он работал на ГАЗе уже лет пять и мог себе позволить взять машину в кредит.

- Привет, братан! С днюхой тебя!
- Спасибо, друг!
- Покурить не хочешь?
- Давай немного, времени еще полно.

Андрей достал сменный мундштук, надел его и передал Ивану. Тот втянул дым и с привычки закашлялся.

– Знаешь, как раньше это называлось, до борьбы с космополитизмом и инакомыслием, – спросил Андрей, похлопывая Ивана по спине, чтобы тот быстрее откашлялся, – вэйп, прикинь как красиво. Вы где отмечать решили?

- Ресторан на перекрестке Минина и Пискунова, знаешь?

– Знаю, конечно, там пиво хорошее и шашлыки.

– Вот поэтому мы туда и едем, – засмеялся Иван, – да и Машка рядом живет, мы там часто с ней встречались.

Они курили, рассказывали друг другу анекдоты, смеялись и на время Иван немного оттаял, позабыв ненадолго про все эти гнетущие новости, портившие его праздник, прекрасное жаркое лето и всю его счастливую молодую жизнь. Андрей стал рассказывать, как две недели отдыхал в Крыму с друзьями, кадрил там девушек, демонстрировал свой загар, и стало казаться, что жизнь налаживается.

Глава 2

День рождения – грустный праздник

Они уже почти подъехали к Канавинскому мосту, медленно и беззвучно двигаясь в обычной для этого времени пробке, когда музыка, передаваемая по радио, словно запнулась, и тут же включились новости.

Суровый мужской голос диктора без всяких эмоций сообщил, что в стране с сегодняшнего дня вводится военное положение, а с завтрашнего утра объявляется всеобщая мобилизация. Завтра к девяти утра все военнообязанные мужчины в возрасте от 18 до 50 лет обязаны явиться в военкоматы, к которым они приписаны, а находящиеся в других городах – в любые ближайшие. Не явившиеся по неуважительным причинам будут объявлены дезертирами с применением к ним мер, предусмотренных военным положением. Данное сообщение будет передаваться по всем радиостанциям и телеканалам страны каждые полчаса.

– Нихера себе, подарочек ко дню рождения, – только и смог произнести Иван, глядя на притихшего и побледневшего Андрея, – у тебя даже загар куда-то пропал, будто и не был в Крыму.

– Да уж, те крымские девчонки, похоже, моими последними были, – тихо произнес Андрюха, выключил музыку во вновь ожившем радиоприемнике и достал из бардачка пачку обычных сигарет. Видно, электронная в такой ситуации уже не пробирала.

– И мне дай, – попросил Иван, забыв, что он спортсмен и никотиновые сигареты не признает.

Оба молча закурили, причем на этот раз Андрей не стал повторять свою обычную шутку про некурящих халявщиков.

– Ну, нас с тобой вряд ли сразу забреют, мы же на закрытом предприятии работаем, оборонном, а вот Юрика и Димана могут, – медленно произнес Андрей, словно обдумывая каждое слово.

– Думаешь, нас «бронь» спасет? Если пойдет серьезная мясорубка, всех мужиков заберут, а женщин и детей к станкам поставят, как в Великую Отечественную. Ты знаешь, что у китайцев численность солдат под ружьем в десять раз больше чем в нашей армии. Никакие хваленые боевые роботы не помогут.

– Это да, задумчиво проговорил Андрей. Но что-то подышать за наше сволочное олигархическое правительство меня совсем не тянет.

– А куда мы денемся, когда китайцы сюда дойдут? Или в рабы, как показывал Красная Балаклава или уж погибнуть в бою как мужик. И он коротко рассказал Андрею о виденном утром репортаже.

Андрюха еще больше помрачнел, но ничего не сказал. Через полчаса они доехали, наконец, до ресторана и удачно припарковались на свободное место.

– Ты не говори пока нашим про эти новости, пусть хоть день рождения твой нормально пройдет, а то когда еще теперь доведется погулять, – сказал Андрей, пока они еще сидели в машине.

– Хорошо, пусть будет как пир во время чумы, – сострил Иван и тут же понял по выражению лица друга, что неудачно.

– Вряд ли конечно никто из троих ничего не слышал, если каждые полчаса везде передают, – сказал Андрей, и они вылезли из машины. Подойдя к официанту, Иван назвал свою фамилию, уточнив, что заказывал стол на пять часов.

– Ну, раз вы Минин, можете выбирать любой столик, – сострил официант-кавказец и Иван выбрал угловой стол под навесом на открытой террасе. Андрей попросил сразу кальян,

зная, что свои сигареты курить в заведении не дадут. Они уселись на мягкие подушки дивана из ротанга и стали смотреть на проплывающую мимо толпу прохожих, проезжающие автомобили и автобусы, думая каждый о своем.

– Такое впечатление, что только мы радио слушали, не похоже, что кто-то в этой толпе про военное положение и мобилизацию знает, – наконец произнес Иван.

– Так военное положение уже объявляли в январе, забыл? Как объявили, так через месяц потом и отменили.

– Да, только всеобщую мобилизацию тогда не объявляли и танки на восток не перебрасывали. И Иван рассказал Андрею про колонну, которую видел Серега ночью.

– Это действительно серьезно, – почему то шепотом проговорил Андрюха, покосившись на официанта, – а вот и твоя Маша, все, делаем вид, что ничего не знаем.

Подлетела Машка, вся такая нарядная, пахнувшая какими-то дорожными духами и выглядящая в роскошном платье старше своих семнадцати лет. В ее светлых волосах блестело что-то типа серебряной короны. Они только успели расцеловаться с Иваном, как подоспели остальные гости. Дима был один, а Юру держала под локоть его очередная девушка, худющая коротко стриженная брюнетка.

– Екатерина, – представилась она с достоинством и парни, смеясь, шутовски поклонились ей, церемонно по очереди представляясь в ответ.

– Надо было к ручке приложиться, мужланы – схохмил Диман, пожимая руки парням, – прямо царское имя.

– Мария тоже королевское имя, – обидчиво заявила Маша, – видно было, что конкуренция между ними разгорится нешуточная.

Когда все гости расселись и официант принял у них заказ, Маша достала из своей сумочки внушительную коробку.

– Дорогой наш Ванечка! Мы решили скинуться и от всех нас подарить тебе то, о чем ты давно, по словам своих друзей мечтал, но не мог пока себе позволить. Маша торжественно передала Ивану красивую красную коробку, перевязанную ленточкой.

– О, спасибо друзья, так как коробка маленькая, точно не автомобиль, – Иван развязал ленту, открыл крышку, и глаза его заблестели. На дне коробки лежал, поблескивая вороненым металлом травматический пистолет Токарева последней модели.

– Теперь ты вооружен и очень опасен, – хором закричали друзья.

– Вы даже не представляете себе, насколько, – держа в левой руке пистолет, Иван достал правой рукой из заднего кармана выкидной нож и нажал на кнопку, – а это мне Виталик утром подарил.

– Вау, какой крутой мужчина, – заверещали девчонки, а парни одобрительно загудели.

– Не волнуйся, Юра сразу на тебя в магазине оформил разрешение, по компьютеру пробили твою личность, так что проблем с законом не будет, – громко сказала Маша, заметив, что гости за соседними столиками стали на них коситься.

Когда принесли пиво и холодные закуски опять зашел разговор про Китай. Дима показал старый ролик из Рунета, где какой-то популярный уса́тый кинорежиссер еще в 2016 году почти точно предсказывал, как начнется война. Это видео давно удалили из Рунета, а тут вдруг оно внезапно снова появилось. Совпадало практически все, даже то, что Китай нападет в новогодние праздники. Дальнейшее развитие событий, правда отличалось и все стали спорить, возможно ли такое продолжение или нет.

– У меня мать в РЖД работает, так только за сегодняшнюю ночь насчитала три военных состава, шедших на восток, что-то серьезное начинается, – тихо произнесла Катя, когда все немного упокоились.

– Неужели наше правительство решится назад Сибирь отвоевывать, – спросила Маша, но никто из ребят ей не ответил. Все

тут же призадумались, что решают одни, а отвоевывать придется не абстрактным другим, а как раз им самим.

Наконец, принесли пышущие жаром шашлычки и все оживились, разбирая кому из курицы, а кому из свинины, или баранины.

– Главное, ребята, чтобы не было большой войны, – произнес очередной тост Юра и все дружно зазвенели пивными кружками.

– Малые войны идут постоянно, сколько себя помню, ни одного года без войны не было, лишь бы третья мировая не началась, – присоединился к тосту Иван.

– Я тут недавно ток-шоу политическое смотрел, – продолжил, отпивая пиво Андрей, – так вот там, на полном серьезе доказывали, что третья мировая уже давно идет, спорили только о том, когда она началась, с Югославии, Ливии или Сирии.

Солнце уже скрылось за ближайшими домами, стало прохладнее, когда раздался телефонный звонок. Иван понял, что это его мобильный и взял трубку. На экране высветился какой-то незнакомый номер. Наверное, кто-то из волгоградских друзей телефон поменял и вспомнил о его дне рождения, – промелькнуло в голове, пока он нажимал «ответить». Но то, что ворвалось ему в мозг в следующую секунду вмиг разделило его жизнь на «до и после».

– Ванечка, родненький, – крик матери перебивался такими рыданиями, что он сразу понял, случилось что-то действительно страшное, таких причитаний он от нее никогда не слышал, – отец, отец... Она захлебывалась в слезах и рыдания никак не давали ей закончить фразу.

– Ма, что с отцом, – спросил Иван, чувствуя, как спина вмиг похолодела от плохого предчувствия.

– Сыночек, отец разбился, разбился, понимаешь – без конца повторяла мама, никак сама, наверное, не могла в это поверить.

– Как разбился, где, – не мог понять Иван, – ведь машину свою он недавно продал, на чем он мог разбиться то?

– Ванечка, родной, – мама смогла, видно, немного взять себя в руки, и выдохнуть из последних сил – я тут сижу с ним под балконом, с балкона он упал, сразу насмерть, насмерть, соседи дали свой телефон, мой сразу отключился, почти у всех отключились, а у них нет почему то, скорую вызвали, уже час ждем, никто не едет, видно не до нас сейчас, бомбу на нас сбросили, сыночек, полгорода разрушено, Тракторный и Краснооктябрьский районы в огне все, а отец, когда взорвалось, на балконе курил, Волгой любовался, так его взрывной волной и сбросило, говорила я ему, бросай курить, бросай, – мать опять сотрясло от рыданий, голос становился все тише – ты приезжай к нам, Ванечка, отца похоронить надо, да и мне, думаю, недолго осталось. В телефоне что-то захрипело, и связь окончательно пропала.

Иван сидел оглушенный с таким потерянным видом, что притихли не только его друзья, но даже люди за соседним столиком.

– Что случилось, Ваня? – первой спросила Маша, а у самой глаза уже были на мокром месте.

– Разбился, упал с балкона, – растерянно ответил Иван, сам еще не поверив до конца в услышанное, и только потом добавил, – бомбу на них сбросили.

– Какую еще бомбу, – тихо спросил Андрей, но даже за соседними столиками это услышали и повернулись в их сторону.

– Не понял, но мать сказала, что полгорода разрушено.

– Господи, ядерную, что ли, – выдохнула Катя и все повернулись к ней, как будто она произнесла какое-то неприличное и запрещенное слово. И Катя сразу как то стушеввалась, словно это именно она виновата оказалась во всем, как будто, не скажи она этого слова и не было бы ничего. А раз слово вырвалось, так уже и не запихнешь его назад, в черноту, где ему самое и место.

Иван встретился с Машей глазами, и она в отчаянии протянула к нему свои руки, сжала его кисти, сильно, как только могла. А он тонул в ее глазах и тут вдруг заметил, что какой-то странный огонь вспыхнул в них, а потом и все вокруг залилось неестественно ярким светом, будто тысяча сварщиков разом включили свои сварочные аппараты. Маша зажмурилась от ослепительной вспышки, Иван инстинктивно стал разворачиваться к странному свету лицом и увидел, что тот бьет у него со спины, из-за домов, заметил несколько упавших прямо перед кафе ослепленных голубей, бешено бьющих крыльями, от которых шел слабый дым. И тут же получил удар раскаленного воздуха в лицо такой силы, что кубарем отлетел через стол на землю, вместе со всеми, кто сидел вокруг. Почти одновременно воздух разорвался страшным грохотом, земля со всеми домами вокруг подпрыгнула, вздыбилась, как от землетрясения, брызнули мелкими блестящими осколками стекла в витринах. Прохожих и автомобили вокруг словно прихлопнула невиданная сила, разметав всех словно букашек. Оглушенные, они пытались выбраться из-под обломков мебели и навесов, разглядывая тех окровавленных посетителей, которым не повезло сидеть рядом с разбившимися витринами.

– Похоже, на нас тоже сбросили бомбу, – Дима первым смог высказать то, что остальные и так уже поняли. У него из ушей текла кровь. У Маши кровь текла из носа, у Кати было поцарапано лицо и руки осколками посуды, да и все ребята были в кровавых ссадинах. Но серьезно из их компании никто вроде не пострадал, поэтому, немного обтерев друг другу кровь, они первым делом помогли перевязать вместе с официантами более сильно пострадавших от стекла посетителей.

– Побежали, посмотрим, где взорвалось, – прохрипел Юра, когда перевязывать было уже некого.

Но где, было и так понятно, два огромных серо-черных с огненными прожилками гриба выросли за домами со стороны Кремля, постоянно увеличиваясь в размере, словно желая проглотить весь город.

– Давайте, только лица замотайте тряпками, чтобы не надыхаться радиацией, – согласился Андрей, печально глядя на свою машину, придавленную автобусом, и понимая, что теперь только пешком. Они порвали оставшиеся скатерти и салфетки, смочили их водой из бутылок, намотали на лица и двинулись по улице Минина на север. В последний момент Иван спохватился, вернулся, нашел под столиком свой пистолет, сунул растерянным официантам деньги и побежал догонять ребят.

Чем ближе к Кремлю они продвигались, тем заметнее становились разрушения. Буквально уже в следующем квартале с домов были сорваны крыши и выбиты практически все стекла. Им повезло, что от основной ударной волны их прикрыли эти здания и Кремль на холме. Взрывы произошли в нижней части города, за кремлевскими стенами, сложенными на века и, как ни странно они смогли пережить даже ядерный удар. Чего нельзя было сказать о более новых постройках. Дойдя до площади Минина и Пожарского, увидев фасады обращенных на нее домов, стала понятна чудовищная сила смертоносной ядерной энергии. Довольно крепкие дореволюционные парадные фасады, достойно простоявшие пару веков, за секунду превратились в жалких инвалидов, с сорванными скальпами крыш и покрытыми сетью морщинистых трещин. Пустыми глазницами обожженных оконных проемов жалко смотрели они на два дьявольских гриба, издевательски пляшущих над городом.

Ребята побежали к воротам в крепостной стене, пропустив две скорые помощи, которые нырнули внутрь, разрываясь сиренами. От дворца губернатора отъезжало несколько машин, загруженных ранеными, еще несколько пострадавших выносили из здания на носилках. Они побежали дальше, мимо дворца вице-губернатора к Архангельскому собору, за которым уже виднелась смотровая площадка с Вечным огнем. Одна машина скорой помощи остановилась у здания областного правительства, вторая поехала дальше, прямо к обелискам павшим в Великую отечественную.

И если в зданиях пострадали в основном от разбитых стекол, на тех раненных, которых несли со смотровой площадки, было страшно смотреть. Выжженные ослепшие глаза, обожженные руки, даже одежда на некоторых превратилась в пепел, обнажив ужасные кровавые пузыри. Вопли и стоны раненых усиливались по мере того, чем дальше они продвигались к смотровой площадке. Врачей было мало, на всех их, конечно, не хватало и те, кто пострадал меньше, старался хоть как то облегчить боль тем, кому не так повезло.

Но то, что увидели ребята, добежав до края обрыва, заставило забыть даже про всех, кто корчился и стонал вокруг. Потому что вокруг было все еще живое, а внизу за почерневшей Окой была только смерть. Два адских гриба поднимались как раз там, где раньше были два завода – ГАЗ и ИМЗ. Оба оборонные, машиностроительный выпускал артиллерийские и ракетные комплексы, автомобильный – бронетехнику и грузовики. Но хотя эпицентры располагались примерно на месте этих заводов, их ядерные грибы уже слились в одно страшное месиво, поглотив полностью Автозаводский и Сормовский районы со всеми их жителями. Казалось, за рекой было разрушено практически все, а то, что уцелело, сейчас догорало. Различить можно было только почерневший остов стадиона, построенного к чемпионату мира и Собор Александра Невского, чудом уцелевший, но оставшийся без крыши. Метромост почти весь обрушился, на Канавинском мосту, потерявшем несколько опор, догорали смятые остовы автомашин. Борский мост, насколько можно было разглядеть за дымом, уцелел, но на нем что-то горело, возможно, железнодорожный состав.

Потрясенные зрелищем катастрофы, ребята застыли на минуту, пожирая ее глазами, словно впитывая весь этот ужас в себя, стараясь запомнить его на всю оставшуюся жизнь. Во рту появился странный металлический привкус, и кожа как будто опалилась на жарком солнце, очень захотелось пить.

– Там уже, похоже, никому не поможешь, – только и смог вымолвить Иван.

– Да, если кто и остался под завалами живой, от радиации и ожогов все равно долго не протянет, – подтвердил Андрей, – давайте лучше здесь кому-нибудь поможем, этих хоть вылечить можно.

– Все будто очнулись от оцепенения и принялись помогать раненым, вытаскивать тяжело пострадавших из Кремля к площади. Соорудив из обломков крыш и веток подобие носилок, ребята грузили обожженных, которые не могли сами идти и выносили их за кремлевскую стену, где их подбирали автомашины и развозили по больницам. Скорых не хватало, но на помощь пришли автомобилисты, оказавшиеся рядом. Все время краем глаза они следили за разрастающимися и теряющими форму грибами. На их счастье, ветер сносил тучи радиоактивной пыли на запад, прочь от Кремля и их чудом уцелевшего района.

– Нам повезло, что в Нижегородском и Советском районах нет крупных оборонных предприятий, – нарушила тягостное молчание Катя.

– Кому повезло, а кому то нет, – ответил Иван, глядя на пепелище, на месте Ленинского, Канавинского и Московского районов, которым не повезло оказаться между эпицентрами двух ядерных взрывов, – Виталик вот подменил меня на работе, там и остался.

Они постояли, обнявшись, вытирая повязками пот и копать с лиц, последний раз взглянули на огненные всполохи в сгущающемся мраке, и побрели к выходу из Кремля. Раненых здесь больше не осталось, а тем, кто за рекой уже не помочь.

Глава 3

Вечер трудного дня

Ребята вернулись к ресторану, не сговариваясь, словно их тянуло обратно, к тому последнему месту, где они еще были счастливы. Андрей попытался открыть двери своей придавленной автобусом машины, но не смог. Тогда он пролез через разбитое окно к бардачку и забрал все документы.

– Для страховой компании, – пояснил он, – я же еще даже кредит по ней не выплатил. Попытался сфотографировать место аварии, но его мобильный не работал. Ребята проверили свои, но не работал ни один.

– Это электромагнитный импульс, он выводит из строя всю электронику вблизи от взрыва, – пояснил начитанный Юра.

И тут неожиданно заплакала Катя.

– У меня мама сейчас из Москвы на «Стриже» в Нижний должна приехать, куда же она теперь доедет, вокзал то разрушен, и созвониться нельзя.

Ее тут же поддержала ревом Маша, они стояли, обнявшись, и рыдали в голос, хотя все время до этого держались. Видно, состояние шока не давало расслабиться. Парни окружили их, и они дружно обнялись, замерев и не зная, что говорить в таких случаях.

Первым молчание нарушил Дима.

– Надо решить, кто у кого ночевать будет. У Ивана и Андрея жилья теперь нет, предлагаю ко мне поехать, мои родители на даче сегодня, комната свободная есть.

– Можно ко мне, у меня тоже никого нет, – попытался возразить Юра.

– Тебе надо к Кате поехать, мама, если доберется до Нижнего, к себе поедет, волноваться будет, если дочку дома не застанет, а ты поддержишь ее пока, – Иван все разобрал логично, будто по полочкам.

– Я Ваню тоже не брошу в такой момент, когда он отца потерял, – Маша сквозь слезы обвела всех упрямым взглядом, – но и бабушку одну дома нельзя оставлять, она там, наверное, с ума сходит, пусть у нас переночует, комната свободная есть.

– Хорошо, тогда Андрюха едет ночевать ко мне, Юра к Кате, Иван к Маше, а завтра давайте встретимся, обсудим, что делать дальше, – согласился Дима, – где встречаемся?

– А вам не кажется, что могут и еще ракеты прилететь, думаете это последние, – спросила Катя и обвела всех залитым тушью лицом, может лучше бомбоубежище вместе поискать?

– Не думаю, что умереть в подвале веселее, только мучиться дольше придется, – сказал, как отрезал Андрей, – ладно, до завтра, пошли, Димон к тебе, завтра в десять у Машки встречаемся, все знают, где она живет?

Юра и Дима помнили тот дом рядом с усадьбой Рукавишниковых, а квартиру как-нибудь найдут, крикнут под окном, в крайнем случае. Распроцавшись, все разошлись парами в разные стороны по разгромленным улицам, озираясь на зияющие пустыми глазницами окна и прислушиваясь к крикам и стонам, доносящимся из всех домов.

Маша с Иваном, крепко обнявшись, пошли в сторону непривычно темной Верхневолжской набережной, свернули на ней влево и, миновав погруженную в мрак старинную усадьбу, вышли к сталинской пятиэтажке, украшенной пилонами и колоннами. В окнах света не было, но на втором этаже виднелась освещенная свечой растрепанная седая голова бабушки Лены.

– Машенька, внученька, – заголосила Елена Владимировна, – ты жива, слава богу!

– Да, бабуль, можно Ваня у нас переночует, его общагу разбомбили, ему жить негде, – спросила Маша и опять слезы полились из ее глаз.

– Конечно, детки, поднимайтесь скорее, – бабушка, успокоившись, стала закрывать окно.

– Странно, а здесь стекла не выбило, – удивился Иван, – наверное, волна по касательной прошла, а может стеклопакеты хорошие.

Они вошли в подъезд, заметив, что даже магнитный замок не работает, и тут же услышали голоса. Жители дома собрались во дворе, устроив импровизированное собрание, а поскольку подъезд был проходной, через открытую дверь во двор все было слышно. Маша захотела послушать немного, и они вышли во двор.

Народ шумел, все говорили одновременно, но было понятно, что обсуждали предложение старшей по дому переждать ночь в подвале.

– Да не спасет вас этот подвал, фильтров и принудительной вентиляции там нет, от радиации он не защитит, похороните себя только заживо и не выберетесь наружу, – кричал мужчина, по всему видно, пессимист.

– Главное пережить ударную волну и излучение, дозу радиации все равно в подвале меньше получим, главное несите запас воды на два-три дня и еды побольше, – упрямо повторяла старшая, и завершила собрание, – в общем, кто хочет, спускайтесь, дверь в подвал будет открыта в среднем подъезде.

Народ стал медленно расходиться и Маша с Иваном поднялись на второй этаж. Бабушка уже ждала их в распахнутом дверном проеме со свечкой в руке. Они обнялись и зашли в квартиру. Первым делом Маша с Иваном по очереди умылись в ванной под тонкой струйкой воды, смыв кровь и копоть с лица и рук, потом прошли на кухню к хлопотавшей там бабушке.

– Бабуль, а ты чего на собрание не пошла, – Маша обняла ее и поцеловала, – там, в подвал всем жильцам предлагали спуститься.

– Из окна на кухне слушала, старая я уже от бомб прятаться, это вам, молодым жить да жить еще, вот вы и спускайтесь, я в своей квартире умереть хочу, даром, что ли такой ремонт дорогой отгрохала, чтобы все это бросить?

– Ну, мы тебя тоже не оставим, да, Ваня? – Машка повернула заплаканное лицо к Ивану.

– Я как ты, мне все равно, лишь бы с тобой, – растерянно проговорил он, думая, как там мама одна в разрушенном Сталинграде.

Как ни странно, газ на кухне пока горел, и бабушка заварила чай, вместо пьезозажигалки используя спички. Они расселись за столом, и Маша рассказала о том, что довелось им увидеть и о смерти Ваниного отца, о ядерных взрывах в Сталинграде и Горьком.

Посокрушавшись и всплакнув, Елена Владимировна сказала, что слышала на собрании, что ударам подверглось много российских городов, по радио передавали вечером, и там говорилось о двух десятках примерно.

– А у вас радио нет? – спросил Иван, словно очнувшись.

– Отродясь не было, разве что в машине, а телевизоры отключились сразу, электричества то нет.

– Так у вас машина есть? – удивился Иван, – о ней ему Маша никогда не рассказывала.

– Есть, старая правда, мы на ней давно уже не ездили, когда сын новую купил, хотели эту продать, да жалко, она же еще импортная, настоящая шведка.

– Вольво, что ли?

– Да, «Вольво Кросс-Кантри» еще 2018 года, старушка.

– Ого, раритет, – удивился Иван.

– Тебе же к маме съездить надо, она там одна осталась, если сможешь завести, забирай – бабушка обняла его – езжай на ней в Сталинград, на самолете или поезде сейчас вряд ли доберешься, скорее всего, аэропорты и железнодорожные вокзалы везде разрушены.

– Ваня у нас же инженер-механик по профессии, все починит, – задумчиво произнесла Маша, и опечалилась сразу, не хотелось ей, в такое время расставаться с любимым, хоть и понимала, конечно, мать есть мать, ехать надо.

– Господи, как там родители твои в Москве, да бабушка в Питере, живы ли, – снова запричитала бабушка, – связи никакой, вокзал разрушен, как доберутся то домой?

– У папы машина есть, может, как то свяжутся с дедом и втроем доедут, у него ведь джип, даже если дороги разбомбили, везде объехать сможет, – Маша сказала это и с надеждой посмотрела на Ивана, но тот только пожал плечами.

– Главное, чтобы живы были, – только и мог сказать он, – а какой у него джип?

– «Патриот» последней модели.

– Ну, на этомезде доедет, – успокоил ее Иван и все встали, чтобы перейти в гостиную, посмотреть, что на улице творится.

– О, а газа то больше нет, – заметила Елена Владимировна, и вода еле течет, скоро, видно закончится.

– Надо набрать в пластиковые бутылки свободные.

– Я уже давно все, что были, заполнила, даже кастрюли, вон, в ванной стоят.

– Правильно, я читал, что при обстреле самое безопасное место это ванная, туда надо все ценные вещи, воду и продукты сложить, все равно холодильник не работает.

Они открыли окно и выглянули на темную улицу. Как ни странно, за Волгой светились кое-где огни, там значит было еще электричество и мирно жили люди, не знавшие обстрелов. С Нижневолжской набережной раздавались сирены скорой помощи и пожарных машин. На реке ближе к Борскому мосту догорало несколько кораблей, больших и поменьше, а прямо напротив дома Волгу пересекал паром, набитый машинами и людьми. Почему-то народ посчитал, что хоть Горький и подвергся ракетно-ядерному обстрелу, на западном берегу все-таки будет спокойней, чем на восточном.

– Неужели они боятся, что китайцы могут пройти две тысячи километров так быстро? – удивился этому зрелищу Иван.

– Кстати, у меня же старые телефоны остались, жалко выбрасывать было, – вспомнила вдруг бабушка, может ты, Ваня сможешь их реанимировать?

Она порылась в ящиках книжного шкафа и достала оттуда целую кучу самых разных смартфонов и планшетов, «самсунгов», «сони» и других малоизвестных сейчас фирм. Вывалив все на журнальный столик, положила на него включенный электрический фонарик, и только после этого до нее дошло, что все бесполезно.

– Они же все разряжены, как мы их зарядить то сможем без электричества?

– У меня переносной аккумулятор есть, – встрепенулась Маша и убежала с фонариком в свою комнату. Через минуту вернулась, отдала аккумулятор Ивану и тот начал перебирать провода от зарядок, пробуя, какая от какого гаджета. Сначала попробовал реанимировать свой и Машкин, потом бабушкин, но понял, что все включенные в момент взрыва сгорели безвозвратно. Надежда была только на те, которые были не под напряжением. Вытащил все сим-карты и начал вставлять их по очереди в старые гаджеты. Найдя три подходящих, подобрал к ним нужные провода зарядки и подключил первый с Машкиной симкой к аккумулятору.

– Надеюсь, на три мобильных зарядки хватит, – проверив уровень тока аккумулятора, заключил он.

– После Машиного заряди свой, нам с ней одного мобильника хватит, чтобы с родителями и дедом связаться, а тебе с мамой надо будет общаться, пока до нее доедешь – рассудительно заключила Елена Владимировна, – я спать пойду, ребятки, еле на ногах держусь.

– Спокойной ночи, – хором вылетело у Маши с Иваном и они переглянулись, понимая, что звучит это теперь фальшиво.

– Ты в гостиной постели Ване, белье сама знаешь, где.

– Хорошо, бабушка, – Машка смущенно взглянула на Ивана, и тот даже в темноте заметил, как ее лицо залилось краской.

Бабушка, может быть, тоже это заметила, но не подала виду и, немного побряхтев, пошаркала в свою, смежную с гостиной комнату.

Между тем, «самсунг» уже ожил и Иван из любопытства, а скорее на автомате открыл файлы из его памяти. Первое, что он увидел, был фильм «Вечер трудного дня» о британской группе «Битлз». Он слышал первую песню, которой начинался фильм и выключил, как только песня закончилась, подумав, что неудобно копаться в чужом мобильнике.

– Это дедушкин старый коммуникатор, – вспомнила Маша, – он еще говорил, что этот фильм сняли в 1964 году, как раз в год его рождения, может, поэтому и хранил его.

Иван, конечно, не запомнил телефон соседа, с которого ему звонила мама, поэтому первым делом он набрал ее мобильный. Тот был еще не доступен и тогда он на всякий случай набрал городской номер. Как ни странно, через несколько гудков в трубке раздался голос матери.

– Мамуля, привет! Это я, Иван, как ты там?

– Господи, Ванечка, я совсем забыла про городской телефон, даже не поняла, откуда звонок идет, давно им не пользовалась, а он, оказывается, работает, – мама опять стала всхлипывать, и было понятно, что скоро опять разрыдается, – у вас там все хорошо?

– Ничего хорошего, мама, – произнес Иван и почувствовал, что голос предательски садится, – на Горький тоже две ядерные ракеты упали, полгорода в развалинах, как раз где мой завод и общага были, повезло, что мы у Машиного дома в кафе сидели, но много друзей и знакомых погибло.

– Храни вас господь, – запричитала мама, и было слышно, как голос сотрясается в рыданиях, – а мы отца вечером похоронили, соседи же наши татары, они сказали надо в тот же день до заката хоронить, к тому же сейчас столько погибших, никто на кладбище не повезет, закопали прямо на склоне набережной в парке.

– Жалко, не удастся повидать и проститься, как положено, – расстроился Иван, – но я все равно к тебе приеду, бабушка Маши свою машину одолжила, завтра утром выезжаю.

– А ты ее сюда привози, вместе легче будет в такое время продержаться, – предложила Маша, которая слышала весь разговор.

Иван посмотрел на нее, рассеянно кивнул, попрощался с матерью и отключил мобильник.

– Маш, меня все равно теперь в армию заберут, завод же разрушен, бронь не действует.

– Тем более, маму сюда привези, а то если тебя заберут, она там совсем одна останется, родственников у вас же нет.

– Спасибо тебе, милая, – Иван с благодарностью поцеловал Машу в губы.

Вдруг с улицы раздался непонятный шум, и они подбежали к окну. Раскрыли створку, и в комнату ворвался нарастающий грохот. Над домом через Волгу на восток на всю видимую ширину горизонта летели светящиеся метеоры – баллистические ракеты. Ниже летели реактивные бомбардировщики, еще ниже можно было различить крылатые ракеты, от которых и шел основной рев.

– А вот и «ответка» полетела, – громко сказал Иван, чтобы перекричать шум.

– Ужас, это же, скорее всего ядерные заряды, я читала, если взорвут все атомные бомбы на земле, наступит ледниковый период и человечество вымрет.

– Последние исследования опровергают эту версию, пыль осядет через несколько дней и земля не успеет заморозиться, но почти вся территория подвергнется радиоактивному заражению и все равно мало кто выживет, разве только в Австралии или на отдаленных островах.

– Слушай, мне страшно, может все-таки, спустимся в подвал, – Маша испуганно посмотрела на Ивана, – вдруг теперь Китай все оставшиеся ракеты запустит?

– Я не думаю, что подвал спасет от ядерного удара, это же не специальное бомбоубежище, только дольше умирать будем, – Иван внимательно посмотрел на Машу и, подумав, добавил, – но если там тебе спокойней будет, то давай спустимся.

Маша забежала в комнату к бабушке, та еще не спала, но спускаться отказалась наотрез.

– Вы идите, конечно, вам еще жить да жить, а я в своей постели умереть хочу.

Ребята взяли с собой аккумулятор и телефоны для зарядки, бутылку воды, и вышли из квартиры.

Дверь в подвал была заперта, из-за нее слышались приглушенные голоса. Маша постучала, через минуту загремел засов и дверь открылась. Знакомый сосед пропустил их в подвал, и они уселись на импровизированную скамью из досок. В углу шумел дизельный генератор, под потолком тускло горела подсоединенная к нему электрическая лампочка, несколько переносных аккумуляторов и мобильных тоже заряжались от него. Один мужчина возился с радиоприемником, другой с переносным телевизором.

– Тут как то веселее, среди людей, – шепнула Маша Ивану на ухо и тот согласно кивнул.

Вдруг захрипел очнувшийся радиоприемник, мужчина начал крутить рукоятку, пытаясь среди иностранных радиостанций найти какую-нибудь русскую волну. Наконец, в динамике сквозь треск и шипение помех раздался женский голос русского диктора.

– Подвал сигнал глушит, антенну бы на улицу протянуть, можно из проволоки сделать, – предложил мужичок из соседнего подъезда, но на него зашикали. Передавали что-то важное.

Понять можно было только то, что Москва подверглась ядерной бомбардировке, но многоуровневая система ПВО смогла сбить большую часть ракет еще на подлете. До Москвы дотело только две, – одна упала под Жуковским, разрушив военный аэродром в Раменском, другая – в лесу между Железнодорожным и Балашихой, уничтожив несколько воинских частей и батарею стратегических ракет, одна из которых, сбегтонировав, увеличила мощность взрыва многократно. Но сбитые в воздухе десятки ядерных зарядов подвергли радиоактивному заражению огромные территории на востоке от Москвы. Так же были подвергнуты обстрелу ядерными ракетами города Ленинград, Сталинград, Горький, Севастополь, Свердловск, Челябинск, Нижний Тагил, а также множество военных и промышленных объектов по всей стране, степень разрушений уточняется. Всего по Российской Федерации было выпущено около 300 ракет ориентировочной мощностью от 300 килотонн до 1 мегатонны, больше половины достигли своих целей. Стратегические ракеты мощностью до 50 мегатонн были сбиты почти все еще в атмосфере, долетели лишь крылатые ракеты большой дальности, но с меньшей мощностью заряда ввиду их низкой траектории полета, невидимой для радаров. Россия немедленно даст адекватный ответ китайскому агрессору, победа будет за нами, закончила диктор свое выступление и осеклась в конце, сорвавшись.

– Как говаривал Уинстон Черчилль, историю пишут победители, – задумчиво произнес сидевший рядом старичок, – но в этой войне ее писать будет некому.

После паузы слово взял специальный корреспондент, который поделился информацией, только поступившей в СМИ. Оказывается, вчера китайские войска попытались захватить космодром «Восточный» и ракетные шахты подземного базирования в их зоне оккупации, но остающиеся по договору под российской юрисдикцией. Российская охрана приняла бой, но ввиду того, что силы были неравные, было принято решение об их подрыве. Космодром «Восточный» был взорван, чтобы не достался врагу, а ракетчики дали ответный залп по территории Китая. Пока нет данных о причиненном Китаю ущербе, но космическая разведка докладывает о многочисленных разрушениях на его территории.

– Так вот, оказывается, с чего все началось, – прошептал Маше на ухо Иван.

Тут же слово опять взяла диктор и сообщила о многотысячных демонстрациях на улицах Москвы, Ленинграда и других городов, подвергшихся ядерным бомбардировкам. На сторону демонстрантов перешла часть армии и полиции. Росгвардия пыталась сдерживать народ,

но была разоружена и примкнула к восставшим. По сообщениям СМИ в Кремле патриотично настроенными офицерами арестовано заседавшее там правительство с несколькими олигархами. Власть перешла к Совету Спасения России – ССР, который возглавил генерал Беркут. Главе государства Подорожному с его ближайшими советниками Чубакину и Кудряйсу удалось бежать, сейчас их местонахождение выясняется.

– Удрали, все-таки, сволочи, – зашумел народ.

И тут по радио раздался громовой голос генерала Беркута. В нем чувствовалась такая мощь, что сразу вспомнился любимец народа конца 90-х генерал Лебедь.

– Я. Генерал Александр Иванович Беркут, от лица Совета Спасения России, созданного сегодня в чрезвычайных обстоятельствах из-за прямой угрозы самого существования России принимаю на себя всю ответственность за оборону государства и ее жителей ввиду абсолютной беспомощности бывшего коррумпированного правительства, фактически продавшего половину страны китайским агрессорам. У нас есть неопровержимые доказательства преступного сговора кучки высокопоставленных предателей, которые были собраны благодаря работе патриотично настроенных офицеров и генералов в органах ФСБ, ГРУ, МВД, Министерства обороны и Генпрокуратуры. Продажное руководство этих структур, поддерживающее преступный режим, арестовано. Также взято под стражу все руководство остальных министерств и ведомств, для проведения следственных действий по их причастности к той критической ситуации, которая сложилась в стране. Арестованы также все их банковские счета, движимое и недвижимое имущество, задержаны родственники, на которых оно оформлено. Вводится военное положение, установлен комендантский час во всех населенных пунктах России. Действие Конституции временно приостанавливается до окончания военных действий, после чего в нее будут внесены изменения на основании всенародного референдума с целью восстановления независимости России, нарушенной некоторыми ее положениями. В ней также будут исключены все статьи о постах президента, главе государства. Россия должна стать парламентской республикой, что исключит в дальнейшем саму возможность экспроприации власти какой-то кучкой негодяев, и создание любой бесконтрольной личной власти. Совет Федерации ликвидируется, его члены арестованы, Госдума с сегодняшнего дня считается распущенной до следующих выборов в новый Российский парламент, которые состоятся после окончания военных действий и нашей победы. Федеративное устройство российского государства, эта бомба замедленного действия, заложенная еще большевиками, упраздняется. В дальнейшем республики будут именоваться губерниями, что исключит их привязку к национальному признаку. Мы подтверждаем принцип равенства всех коренных наций, населяющих территорию России, но делить их искусственными границами по национальностям – это прямой путь к сепаратизму. Временно вся полнота власти на территории губерний переходит к военным комиссариатам, которые сейчас создаются по всей стране ввиду чрезвычайного положения. Все ключевые объекты будут взяты под контроль армией уже к утру. Мобилизация, объявленная прошлым режимом, не отменяется, но до завтра будут заменены все военкомы, подозреваемые в коррупции. Я обещаю вам, что это позорное явление будет навсегда искорено в России в самое ближайшее время. Ввиду военного положения за особо тяжкие преступления, перечень которых скоро будет опубликован, временно возвращается смертная казнь. Осуществлять судебное производство ввиду повсеместной продажности нынешней судебной системы возложено на военные трибуналы, которые создаются сейчас по всей стране. В их состав войдут пенсионеры МВД, Министерства обороны и других силовых структур, не запятнавшие себя в коррупционных и других преступлениях. Поверьте, мы имеем базу данных на всех, ни один предатель не сможет просочиться в органы новой военной власти. Я призываю многонациональный народ России сплотиться в эти тяжелые дни для самоотверженного отпора агрессору. После победы и очищения от гнили в верхах мы с вами создадим Россию будущего, о которой мы все с вами столько мечтали, – Российскую Социалистическую Республику, где все недра и ее богатства

принадлежат народу, а не кучке олигархов. И ради этой мечты передать детям такую страну нам и смерть не страшна. Помните, товарищи, кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет, победа будет за нами!

Все в подвале притихли, пораженные, но тут по радио заиграла мелодия Гимна России без слов. Некоторые встали, кто-то остался сидеть, пришибленный этой речью, кто-то тихо плакал, от счастья или горя, непонятно, но равнодушных не было точно.

– Пойдем в квартиру, может это последняя наша ночь вместе, – шепнула Маша Ивану на ухо.

Они тихо поднялись, прихватив воду, и тихонько вышли из подвала. Зайдя в квартиру, Маша подошла к спальне бабушки и прислушалась. Та спокойно похрапывала, и она прикрыла дверь в ее комнату.

– Не зря бабуля говорила, что у нее эмпатии не хватает, спит, как младенец, будто ничего не случилось, – улыбнулась Маша и за руку потянула Ивана в свою комнату.

Там они слились в жарком, липком поцелуе, пытаясь заглушить своей молодой нерастроченной страстью всю боль, страх и растерянность, обрушившиеся на них в этот ужасный день.

Глава 4

Мы расставались ненадолго, а оказалось навсегда

Иван проснулся от какого то шума во дворе. Со второго этажа было слышно, как о чем-то спорили соседи, хлопали двери автомобилей, лаяла собака. На его плече спала, прижавшись, Маша, от чего рука сильно занемела. Он попытался незаметно высвободить руку, но Маша проснулась, хлопала сонными глазами и тут же покраснела, видимо вспомнив, что произошло прошлой ночью между ними.

– С добрым утром, солнышко, – Иван поцеловал сладкие, припухшие за ночь губы любимой и Маша ответила ему со всем жаром, на который была способна в свои семнадцать лет.

То, что случилось между ними, сильно ее смущало, не так представляла она себе их первую ночь. Конечно, это должно было произойти после свадьбы, она в шикарном белом платье отдалась бы Ивану в роскошном номере с джакузи в отеле у моря, куда они приехали в свадебном путешествии. Но что делать, война смешала все ее планы и, возможно это была единственная возможность, вдруг они погибнут и никогда больше не встретятся. В общем, ни о чем она не жалела.

– Тебе надо в гостиную идти, ложись там, на диване, постель застели, а то бабуля догадается обо всем.

– Хорошо, моя вишенка, – Иван еще раз чмокнул Машу, собрал свою одежду и на цыпочках пробрался в гостиную. Солнце уже пробивалось сквозь шторы, но дверь в бабушкину спальню была еще закрыта, значит, она не вставала ночью.

Иван только успел застелить постель и улечься, как из соседней комнаты донесся скрип кровати. Слышно было, как бабушка поднялась, надела тапочки, достала из шкафа халат, и стала, кряхтя одеваться. Дверь распахнулась, Елена Владимировна тихонько, чтобы не разбудить попыталась выйти в коридор, но Иван не стал притворяться спящим.

– Доброе утро, – потягиваясь, приветствовал он ее.

– Да какое там доброе, полночи заснуть не могла, – бабуля пошаркала в коридор, – Машенька, вставай, завтракать будем, да ехать Ванюше надо уже, его мама ждет, убивается там, наверное.

Маша что-то ответила ей и стала одеваться, громыхая дверцами шкафа-купе. Иван тоже быстро оделся и прошел в ванную. Вода в кране фыркнула и нехотя потекла тонкой ржавой струйкой. Он дождался, когда вода посветлела, умылся, нашел запечатанную одноразовую зубную щетку и почистил зубы. Выходя, столкнулся с Машей, они поцеловались и та тоже пошла умываться, притворив за собой дверь.

На кухне бабушка уже жарила на сковородке яичницу с ветчиной, значит, газ опять включили. Иван выглянул в окно, выходящее во двор. Там было полно народа, люди выносили вещи, грузили в свои машины, видно многие решили выбираться из города.

– Соседи, наверное, эвакуироваться собираются, в городе оставаться опасно, – сказал Иван и коротко рассказал обо всем, что слышал ночью по радио в подвале.

– Жуть какая, – причитала бабуля во время рассказа, а когда он закончил, сказала, – ну к этому все и шло.

Вошла Маша, умытая, причесанная, одетая в джинсы и белую футболку. Они позавтракали, выпили кофе с печеньем и тут услышали, как Ивана зовут с улицы друзья. Маша с Иваном подбежали к окну в гостиной, раскрыли окно, поздоровались и сказали номер квартиры. Через пару минут к ним поднялись Андрей, Юра и Дима.

– Катя осталась дома маму ждать, – сообщил Юра.

– Привет, мальчики, – бабушка тоже вышла в коридор, – может, кофе хотите?

Ребята поздоровались, но от кофе отказались, все уже позавтракали недавно.

– Тогда пошли во двор, я Ване машину покажу, ему к маме ехать надо. Бабушка сунула Ивану пакет с продуктами и бутылкой воды, достала из тумбочки ключи от гаража и они все вместе вышли из квартиры.

Во дворе как раз выезжали две машины, набитые под завязку людьми, собаками, кошками и вещами. Одна притормозила и соседка, бабушкина знакомая через окно решила попрощаться.

– Уезжаем вот к родственникам мужа во Владимирскую область, – всхлипывая, сообщила она, – на все деревни вряд ли ракет хватит, а тут опасно, вдруг опять шарахнут.

– Да, кто бы знал, где сейчас опаснее, – Елена Владимировна перекрестила их машину, – ну, с богом.

Они попрощались, автомобиль тронулся, и все направились к одному из кирпичных гаражей напротив подъезда. Бабушка открыла замок, и Иван помог распахнуть тяжелые двери. Внутри стояла пыльная темно-коричневая «вольво».

– Ого, раритет какой, – восхитилась ребята, – она еще на ходу?

– Должна быть на ходу, аккумулятор дед весной заряжал, – бабуля достала из кармана блестящий ключ и передала Ивану, – попробуй, заведется?

Ваня открыл водительскую дверь, немного подумав, сообразил, где какие кнопки и завел двигатель.

– Дизельная, – определил Андрей по звуку.

– Точно, подтвердила Елена Владимировна, – молодец, разбираешься.

Все расступились, и Иван выгнал машину из гаража.

– Топлива полбака есть, – сказал он, выходя из машины, и стал обходить ее, проверяя колеса.

– В багажнике электронасос есть, запаска и какой-то инструмент, муж за этим всегда следил, – бабушка достала платок и стала вытирать глаза, видно расставание с любимой машиной далось ей нелегко, – да, в бардачке атлас дорог есть, на навигатор теперь надежды никакой.

– Ну что, давайте прощаться, – Иван обвел взглядом погрустневших ребят, – какие у кого планы?

– Да какие планы теперь, – Андрей усмехнулся, – все радио слышали, теперь за нас все родина спланировала.

– Мы с Диманом сейчас в военкомат идем сдаваться, – Юра сплюнул небрежно через плечо, – а то еще расстреляют, как дезертиров.

– А я сначала к родителям попробую добраться, а то так и не смог до них дозвониться, – Андрей посмотрел на небо, сощурившись от солнца, – потом можно и в армию.

– А ваши родители как, – спросила Елена Владимировна у Юры и Димы, – дозвонились?

– Да, под утро дозвонились с городского, мобильные у них работали, они же далеко от города были, – ответил Дима за обоих, – Юрины вообще в Ярославской области живут, там тишина пока, новости только по радио узнают.

Ребята обнялись, похлопали друг друга по плечу, бабушка поцеловала в щеку Ивана, после чего очередь дошла до Маши. Она кинулась Ване на шею, слезы потекли из глаз, смывая только накрашенную тушь. Они быстро поцеловались, смущаясь присутствующих.

– Береги себя, Машуля, – сказал Иван сорвавшимся голосом.

– Ты тоже береги себя, милый, – Маша утерла слезы, – привози к нам свою маму, будем все вместе держаться.

– Хорошо, постараюсь, – Иван незаметно смахнул, будто попавшую в глаз соринку и сел в машину, – берегите себя, ребята, дай бог еще встретимся.

Все расступились, машина медленно тронулась и покатила к выезду из двора. Бабушка перекрестила ее, губы беззвучно зашевелились, читая молитву. Ребята пошли вслед за маши-

ной, провожая ее до самых чугунных ворот. Автомобиль повернул направо на набережной, а Маша все шла за ней, и махала рукой ей в след. Ребята отстали, остановились на углу дома и все дружно закурили. Маша проводила Ивана до угла усадьбы Рукавишниковых, но когда машина свернула направо в переулок, пошла обратно.

– И мне дайте сигарету, – попросила она ребят.

– Ну и мне тогда, – бабушка как раз доковыляла до них тоже.

Они покурили впятером, подойдя к перилам чугунного ограждения набережной и глядя на Волгу, безмятежно текущую далеко внизу. И если бы не дым, все еще стелящийся слева из-за Кремля, ничего бы не напоминало о вчерашнем кошмаре. Памятник Нестерову по-прежнему стоял на своем пьедестале, и издали никаких разрушений видно не было. Если приглядеться, то можно было увидеть несколько разбитых окон, сорванные куски крыш, разбросанные ветки деревьев, но, в общем, набережная имела вполне мирный вид. И только отвратительный запах чего-то горелого с каким-то непонятным химическим привкусом висел в воздухе.

– Ладно, давайте прощаться, – Андрей первым докурил, выбросил бычок в урну и пожал руки парням, – Маша, Елена Владимировна, до свидания, может, когда встретимся еще.

– До свидания, мальчики, берегите себя, – бабушка с Машей почти хором ответили и обе заплакали. Все обнялись на прощание, и ребята разошлись, Дима и Юра к Кремлю, Андрей в противоположную сторону.

Бабушка пошла к своему подъезду, и Маша вдруг заметила, идя за ней, как сильно та постарела и ссутулилась со вчерашнего дня.

Глава 5

Дорога к дому

Иван вырулил на улицу Пискунова и скоро проезжал перекресток, у которого вчера вечером они все вместе отмечали его день рождения. Бросил взгляд на выбитые окна, перевернутые столики и сердце кольнуло. Казалось, это было не вчера, а год назад, настолько нереальными сейчас представлялись события прошлого вечера, что память отказывалась с ними смириться, будто блокировала их из чувства самосохранения.

Но это был не сон, и чем дальше проезжал Иван по улице, тем больше находил отметин вчерашних событий. Вот трамвай с выбитыми стеклами замер на следующем перекрестке, на его борту запеклись сгустки крови, видно людей порезало осколками. Вот сгрудились несколько автомобилей, отброшенных друг на друга ударной волной и смятых, словно консервные банки. Никто их не пытался убрать, видно городским службам было не до этого. Светофоры, как ни странно, работали, машин было не много, но доехав до Ильинской, дорогу пересекла колонна бронетранспортеров и армейских грузовиков, направлявшихся к центру города. Гаишники куда-то пропали и Иван с облегчением вздохнул. Главное, отъехать подальше от Горького, а дальше можно будет показывать справку с бронью, он предусмотрительно всегда возил ее с собой с документами. Но в городе каждый уже знал, что Горьковский автозавод разрушен, она бы не помогла, останови его патруль здесь.

Вспомнив про травматический пистолет, который давил ему в поясницу из-под ремня и про нож в заднем кармане, Иван достал их и сунул в бардачок. Увидел там атлас автодорог и на следующем перекрестке внимательно изучил его, запоминая основные населенные пункты по пути.

Выезжая на проспект Гагарина, встал в небольшую пробку. Машин прибавилось, в основном легковых, под завязку забитых людьми. Некоторые из них косились на старую иномарку, разглядывая его, видно не понимали, почему это он один едет, когда они теснятся, как кильки в бочке.

Иван включил радио и начал искать работающую станцию. Через несколько минут в машине зазвучал довольно отчетливо какой-то новостной блок. Диктор сообщал о новых коварных действиях китайцев, – Монголия за один день была полностью аннексирована и присоединена к Китаю. Улан-Батор был захвачен десанниками, правительство арестовано и добровольно признало, что их страна всегда мечтала воссоединиться с могучим соседом. Правда, некоторые монгольские воинские части вступили в бой с захватчиками, но продавшаяся верхушка тут же приказала им сложить оружие во избежание бессмысленных жертв.

– Плохо дело, – подумал Иван, уж эту часть карты, висевшую над кроватью он запомнил наизусть, – протяженность границы между Россией и Китаем увеличилась вдвое, да и бомбить «братскую страну» будет непросто, а если многочисленная монгольская армия, вооруженная российским оружием вольется в китайскую, будет еще тяжелее.

Тем временем, по радио сообщали о первых результатах успешного ночного ракетно-ядерного обстрела китайской территории. Из трех тысяч выпущенных ракет своих целей достигли почти две тысячи, все крупные города и военно-промышленные объекты лежат в руинах. Залп произвели помимо ракетных установок, расположенных в европейской части России, подводные ракетоносцы, пришедшие в Восточно-Китайское море со всех концов мирового океана. Уничтожены также почти все китайские спутники. Надводные корабли России остались охранять западные рубежи страны от НАТО. Потом последовал список российских городов и крупных предприятий, разрушенных вчерашней китайской атакой. Иван запомнил

только Нижне – Тагильский, Сталинградский и Кировский заводы, потому что знал, что там производились танки.

– Где же теперь танки будут делать, – с горечью подумал он, – придется использовать те, что есть. По последним доступным данным, их на ходу было меньше двадцати тысяч и не факт, что часть из них тоже не попала под удар еще на базах хранения, плохо дело.

За городом пробка рассосалась, основной поток машин свернул на запад, ему же надо было на юг. По атласу до Сталинграда было примерно тысяча километров, и Иван надеялся проскочить их за день. Единственное, что его волновало, это горючка, главное, чтобы АЗС работали. На всякий случай он решил заправиться на первой попавшейся, хотя у него было еще почти полбака, мало ли что будет дальше. Но все бензоколонки, которые он проезжал, были закрыты и на них стояли военные, видно было, что их уже взяли под контроль.

Единственное радовало, что видеокамер можно было теперь не бояться, ГАИ расформировано, да и кому теперь дело до штрафов. Иван втопил педаль газа и мотор приятно заурчал.

– Приятный все-таки салон, умели капиталисты машины делать, – подумал он, разглядывая шикарную кожаную обивку, местами потрескавшуюся, приборную панель, хромированные рычажки и кнопки управления, – у Андрюхи хоть и была «лада» прошлого года выпуска, но сильно проигрывала качеством отделки двадцатипятилетней иномарке. Он прикрепил к магнитной шайбочке на панели мобильник и попытался включить навигатор. Тот выдал ошибку и завис. Значит, не только китайские спутники, но и многие наши уничтожены.

Еще через час пути его первый раз остановили. Перед поселком Богоявление был выставлен военный блокпост, БТР перегородил дорогу, и автоматчики проверяли документы у вынужденных объезжать его «змейкой» водителей. Ивану повезло, что сержант, которому он сунул документы через окно, был какой-то восточной нации и его «бронь» произвела на него впечатление. Значит, он был не местным и о том, что ГАЗ больше не существует, еще не знал. Но все-таки, потребовал документы на машину. У Ивана сразу похолодела спина. Он залез рукой в пакет с продуктами, начал там шарить, понимая, что совсем про это забыл. Но тут рука нащупала какой-то тонкий сверток в целлофане. Развернув его, с удивлением обнаружил свидетельство на машину, старую бумажную ПТС и рукописную доверенность. В который раз мудрость Елены Владимировны и ее предусмотрительность его поразила. Он уже готов был предъявить найденные документы, но тут позади его машины послышался шум. В зеркале заднего вида он увидел, что военные вытаскивают из машины какого-то узкоглазого желтолицего водителя. В это время двое других таких же азиатов, сидевших на пассажирских сиденьях его машины, выскочили из нее и побежали в сторону леса. За ними никто не погнался, военные дали очереди из двух автоматов и те уткнулись в траву.

– Опять китайские шпионы, вторая машина за день, – буркнул Ивану сержант и, отмахнувшись от его документов, добавил, – проезжай.

Облегченно вздохнув, тот нажал акселератор, и автомобиль продолжил бодро поглощать километры шоссе. Ивану абсолютно не было жаль расстрелянных китайцев. Может быть, еще два дня назад на него и произвела бы впечатление эта сцена, но вчерашний день начисто лишил его чувства сострадания к врагу.

Примерно через полчаса увидел второй блокпост прямо перед указателем «г. Арзамас». Весь горизонт за ним был темно-коричневым от пыли. Через открытое окно донесся тот же отвратный запах, что висел над Горьким всю прошедшую ночь. Вооруженный постовой в форме МЧС подошел к машине Ивана и очень внимательно изучил все его документы.

– Куда едите?

– В Сталинград.

– С какой целью?

– Мать забрать к себе в Горький, она там после бомбардировки одна осталась, отец погиб, родных больше нет, – голос Ивана сорвался в конце.

Постовой внимательно посмотрел на него и сунул документы ему обратно.

– Арзамас тоже полностью разрушен, очень сильная радиация, можно большую дозу схватить, – он еще подумал и добавил, – у нас есть запасные комплекты защиты, мы их выдаем добровольцам – спасателям, но так и быть, ради твоей матери дам тебе один.

Он подошел к грузовику на обочине, отбросил тент и достал большой пакет.

– Советую сразу надеть, съезжай вон там, на обочине и переоденься, окна все закрой и вентиляцию выключи, иначе салон потом ничем не дезактивируешь.

Иван поблагодарил постового, взял пакет и съехал на обочину за грузовиком. Раскрыл целлофановый пакет, вышел из машины и стал натягивать резиновый комбинезон с бахилами. Завязав все ремешки, натянул противогаз, потом вспомнил о горючке и снова его стянул. Подошел к доброму постовому и спросил его, где еще можно заправиться дизелем.

– Через километр будет АЗС, скажешь офицеру, что от капитана Петрова, едешь добровольцем в Арзамас, он тебя заправит, не бесплатно, конечно.

– Спасибо, – обрадовался Иван и затопал резиновыми башмаками к своей машине. Противогаз пока решил не одевать, все равно на АЗС придется снимать.

Через километр действительно показалась заправка, правда с левой стороны. Иван свернул на нее и встал в очередь к колонке. Подъехав к ней за отъехавшим военным «уазиком», сказал «волшебные слова» стоявшему со шлангом в руке солдатику. Тот вопросительно посмотрел на сидевшего рядом в «волге» лейтенанта МЧС и тот нехотя кивнул головой.

– Сколько вам?

– Тридцать литров, пожалуйста.

– Зачем столько, до Арзамаса километров пять, – удивился солдат.

– Да чтобы не заправляться больше, мне же мотаться придется туда – сюда, – на ходу придумывал Иван, а сам незаметно показал ему крупную купюру.

– Хорошо, – рядовой незаметно взял бумажку и, сунув ее в карман, вставил пистолет в бак.

Когда бак наполнился, Иван с облегчением выдохнул.

– Там проехать хоть можно, дорога не завалена?

Солдат как-то странно посмотрел на него.

– Ничего, проедешь, пакет только под рукой имей, а то облюешься. Только направо не сворачивай, там как раз эпицентр, где раньше город Саров был, бывший Арзамас-16.

Иван подумал, что дальше вонь будет еще сильнее и натянул противогаз. Выехав с бензоколонки, не сразу понял, куда поворачивать, потом сообразил и свернул налево. Через стекла противогаза видно было плохо, зато мерзкий запах не чувствовался. Вспомнив слова капитана, закрыл все окна, продул через салонный фильтр воздух в машине, и только после этого полностью заглушил вентиляцию. Без кондиционера через пять минут в машине стало нестерпимо жарко, Иван потел в комбинезоне, но терпел. Въехав в город, до него дошло, что солдатик имел в виду совсем не вонь, от которой может стошнить.

С обеих сторон дороги тут и там на обломках деревьев, изувеченных автомобилях, руинах строений, разрушенных взрывной волной висели останки людей. Не было видно ни одного целого трупа, разорванные фрагменты тел выглядели настолько ужасно и неправдоподобно, что вскоре Иван почувствовал нестерпимый рвотный рефлекс. Понимая, что вырвать в противогаз – значит, его лишиться, а снять – получить приличную дозу радиации, он остановился, согнулся, закрыл глаза и попытался подавить возникший ком в горле. Немного отдышавшись, снова поехал, стараясь не смотреть по сторонам, глядел только на дорогу. Но тут увидел шедший впереди грузовик, с полным кузовом трупов и их частей. Иван тупо уставился на бампер грузовика, стараясь не поднимать взгляд, но вскоре грузовик свернул направо в переулок. Впереди виднелся огромный бульдозер, сгребающий человеческие фрагменты вместе с мусором с дороги. Изувеченные автомобили также сдвигались в сторону, расчищая проезд, видно за

уборку взяли совсем недавно. По всему было видно, что здесь был если не эпицентр, то очень близко от него. Иван вспомнил, что вертелось у него в голове и не давало покоя, – Арзамас – 16, был такой секретный город – почтовый ящик, еще в советские времена там была создана первая атомная бомба. Так вот почему китайцы долбанули по этому, относительно небольшому городку, значит, до сих пор там было какое-то секретное военное производство.

Выехав из разрушенного города, уже на его окраине Иван заметил справа от дороги обломки огромного пассажирского самолета. В поле лежала задняя часть обгоревшего фюзеляжа, дальше виднелось одно крыло. Трупов с такого расстояния видно не было, да и вокруг никого, ни пожарных машин, ни скорой помощи. Наверное, крушение произошло в момент ядерного взрыва, не повезло им пролетать близко от эпицентра, пилотов, наверное, ослепило вспышкой, или самолет разрушила ударная волна еще в воздухе. Никто из спасателей поэтому даже не поехал на место катастрофы, не до того было. По полю бродила пара бомжеватого вида фигур, видно пытались пожить вещами разбившихся местные мародеры.

Иван не стал останавливаться, только прибавил газу, чтобы быстрее вырваться из зоны заражения, так как в резиновом костюме в жару было уже невозможно находиться. Через десяток – другой километров дорогу перегородил военный «урал». Солдат – регулировщик в противогазе и костюме химзащиты крутил жезлом, загоняя все машины на автомойку.

– Обеззараживать будут, – догадался Иван и встал в очередь за старым «мерседесом». Никто его ни о чем не спрашивал, содрали пятьдесят новых рублей, и он проехал на автоматическую мойку. Пока робот протягивал «вольво» через пенные барабаны, он вышел из машины, подошел к импровизированному душу на улице и встал под его пенные струи. Помывшись, снял противогаз, стянул защитный костюм и, раздевшись догола, прошел в следующую кабинку из брезента. Солдатик безразлично выдал ему вафельное одноразовое полотенце, он вытерся, натянул опять одежду, забрал мокрый противогаз с резиновым костюмом и направился к выезду из мойки. Его автомобиль как раз показался из-за вертящихся щеток. Когда его полностью вытянули направляющие ролики, Иван забросил костюм с противогазом в багажник и сел за руль. Выехав из мойки, его вновь остановил другой солдат. Тот прошелся вокруг машины со счетчиком Гейгера, и было слышно, как тот тревожно пощелкивает. Потом сделал знак выйти из машины и Иван повиновался. Солдат поводит счетчиком со всех сторон и тот опять предательски затрещал.

– Сколько там? – спросил Иван, напрягшись.

– Половина зиверта, или пятьдесят рентген.

– Это много?

– Не так, чтобы много, лучевая болезнь может наступить с одного зиверта и выше, но облучение заметное. Вы костюм снимали в зоне?

– Я в Горьком без костюма ночь провел.

– Тогда понятно, больше не снимайте в зараженной зоне.

– Постараюсь, а у вас сменных фильтров для противогаза нет?

– У меня нет, но знаю, что МЧС-ники приторговывают ими.

– Ладно, спасибо, – Иван сел в машину и выехал с территории мойки.

Он только начал разгоняться, но хорошо, что не успел, иначе вылетел бы с шоссе. Слева на низкой высоте дорогу пересекли три боевых вертолета. Шум лопастей и завихрение воздуха было таким, что машину резко дернуло и потащило в кювет. Если бы скорость была немного выше, Иван вряд ли сумел ее удержать. Спина тут же вспотела, чтобы унять дрожь в руках, пришлось сжимать по очереди кулаки. Очень захотелось пить, Иван нашарил в пакете бутылку с водой и залпом опустошил ее наполовину.

Через час пути машин прибавилось, видно он догнал эвакуирующихся из-под Арзамаса. Но большинство через какое-то время сворачивало вправо, на запад и дорога вскоре снова стала свободнее. Видно, бежать в разрушенный Сталинград, мало кому приходило в голову.

Приближалось обеденное время, захотелось перекусить, и Иван снова полез в волшебный бабушкин пакет. Там он нашарил бумажный сверток с пирожками и с удовольствием перекусил, не отрываясь от дороги. Пирожки оказались с капустой и картошкой, Иван мысленно, в который раз поблагодарил предусмотрительную Елену Владимировну.

Включив радио, стал переключать станции и на одной услышал выпуск новостей. Диктор рассказывал, что в задержанном ночью кортеже оказался не Подорожный, а один из его двойников. Кто бы мог сомневаться, двойников у него хватало.

Часа три он проехал спокойно, не было ни блокпостов, ни потока машин, ни военной техники. Миновав поворот на Саранск, а затем на Пензу, не заметил каких либо разрушений. По радио в это время передавали репортаж из разрушенного Горького, и Иван с удивлением узнал, что помимо двух известных ему оборонных заводов, под удар попал еще и авиастроительный завод «Сокол», производивший истребители МиГ. Видно, китайцам о секретных заводах Горького было известно куда больше, чем его жителям. Подъезжая к Саратову, Иван вспомнил о том, что там тоже был военный авиационный завод, но в девяностых годах прошлого века его обанкротили, цеха снесли или переоборудовали под торговые центры и завода не стало. Может быть, к счастью жителей города, иначе он тоже попал бы под раздачу, как Горький и Сталинград. Кстати, Волгоградский тракторный и металлургический завод «Красный октябрь» в «нулевых» постигла та же участь, что и Саратовский авиационный, их обанкротили. Но потом, каким-то образом, руководство города добилось их восстановления. Тогда все этому радовались, ведь безработица сократилась, налоговые поступления в бюджет выросли. И как к этому относиться теперь, когда полгорода из-за этих заводов превратилась в руины?

Не доезжая до Саратова, Иван захотел остановиться, сходить в туалет в ближайшей лесопосадке. Уже выйдя из машины, решил вернуться и взять из бардачка «травмат», мало ли кто там, в кустах, время то беспокойное. Но в лесу было тихо, пели птички, порхали бабочки, звенели комары, жизнь продолжалась несмотря ни на что. Быстро сделав свои дела, Иван пошел назад к своей машине, но заметил, что она уже не одна. Позади нее впритык остановился черный китайский внедорожник, а вокруг его «вольво» прохаживались два бритых амбала, заглядывая в окна.

– Твоя машинка? – спросил один из них Ивана, когда тот подошел к непрошеным гостям.

– Ну, моя, а в чем дело? – Иван сразу напрягся, чувствуя исходящую от них опасность.

– Она дизельная?

– Да, а что?

– Горючкой не поделишься? – спросил тот, что был поближе, и Ваня заметил у него в руке здоровый кусок арматуры.

– Не могу, иначе мне до дома не хватит, – отвечая, он заметил заходящего со спины третьего и инстинктивно стал разворачиваться к нему. Но тут второй амбал, который обошел его машину и которого он упустил из виду неожиданно огрел его бейсбольной битой. Целил он ему в голову, но Иван в последнюю долю секунды успел уклониться, и удар пришелся в левое плечо. Скатившись от удара в кювет, понял что левую руку он не чувствует и отбиться от троих не сумеет не смотря на то, что в институте несколько лет занимался каратэ. И только почувствовав, что в поясницу что-то упирается, вспомнил про свой ТТ. Достать и передернуть затвор он успел в самый последний момент, когда эта тройца спускалась в кювет, чтобы его добить. Стреляя в упор по очереди в каждого нападавшего, целил в голову, чтобы наверняка, все-таки пули резиновые, не боевые, и вырубить таких качков можно было только так. Один из них свалился прямо на Ивана, и он с трудом выбрался из под тяжелой туши, так как правая рука все еще сжимала пистолет, а левая висела как плеть. Взглянув на окровавленные морды грабителей, Иван убедился, что те без сознания и полез наверх из кювета. Разблокировав машину и сев за руль, восстановил сбившееся дыхание, завел двигатель и нажал на газ.

– Как я удачно вспомнил про «травмат», – подумал он, – сейчас бы в кювете лежал трупом без него.

Хорошо, что старая «вольво» была с автоматической коробкой, и управлять одной рукой было не сложно. Через час, проезжая поворот на Саратов, Иван вынужден был остановиться в хвосте пробки. Выйдя из машины, смог разглядеть, в чем дело. Колонна танков, в основном старых Т-90 и Т-80 пересекала трассу в сторону города.

– Наверное, к мосту через Волгу направляются, – догадался он, вспомнив, что Саратов и Энгельс, находящийся на другом берегу соединяет мост, видел на карте, когда разглядывал атлас автодорог. Воздух здесь уже был знакомый и такой родной, с запахом полыни, вокруг простиралась, на сколько хватало глаз, степь.

Минут через десять танки прошли и машины тронулись дальше. На полпути от Саратова до Камышина загорелась лампочка на приборной панели, и Иван понял, что без заправки дотянуть до Сталинграда не получится. Все АЗС, кроме электрических, что встречались на пути, были закрыты и это сильно тревожило. Заночевать в дороге без солярки было не лучшим выходом, понимал Иван, а день между тем уже клонился к закату. И только въехав в Камышин, обрадовался, увидев открытую АЗС. Правда, хвост очереди выползал аж на дорогу, но что делать, пришлось остановиться, горючки едва хватало на пятьдесят километров и выбирать не приходилось. Как и в прошлый раз командовали здесь военные, сидя на броне БТР, а заправлял человек в форме МЧС. Отстояв полчаса в вяло движущейся очереди, Иван встал перед колонкой. Заправляли, правда, по тридцать литров, но этого должно было хватить. Зато никаких документов не спрашивали. Расплатившись, он погнал машину по уже знакомым местам Сталинградской области. Через полтора часа проехал Дубовку, еще через полчаса въехал в Ерзовку, где часто бывал на даче у своего друга Лешки. Воспоминания о детстве и мирном времени нахлынули на него, но как далеки они казались сейчас, как будто война навсегда подвела черту, разделив время на «до и после».

Еще через час он въехал в родной город, миновав стелу со звездой города-героя и скульптурой строителя коммунизма перед съездом на Волжскую ГЭС. Алюминиевая скульптура сильно почернела, но название города успели уже заменить на Сталинград. Въезжая в окраинный район Спаргановка, Иван заметил те же признаки прошедшей ударной волны, что и в Горьком – выбитые стекла, обугленные фасады, обращенные на юг, к Тракторозаводскому району. Путь на первую и вторую Продольные магистрали был перекрыт, указатель предлагал объехать по третьей, самой дальней от Волги и от эпицентра. Иван свернул направо и, объезжая крупные обломки и брошенные автомобили стал пробираться дальше. Тут дорогу перегородил патруль МЧС, никого не пуская без костюмов химзащиты. Костюмов у них уже не было, все раздали, но ему удалось выпросить у сержанта сменный фильтр для противогаза. Достал свой защитный костюм, заменил фильтр, надел противогаз и его пропустили дальше, предварительно проверив документы.

Поворот на 3-ю Продольную он миновал уже давно, но его как магнитом тянуло проехать через родной Тракторозаводский район, ведь он там родился и ему не верилось, что его уже нет. Теперь приходилось делать крюк, чтобы вернуться, видно проехать даже через 2-ю Продольную не удастся, слишком близко от эпицентра, а 1-я Продольная проходила вообще мимо ворот Тракторного завода. Тут неожиданно резко раздался телефонный звонок, Иван включил громкую связь и стянул противогаз.

– Ванечка, ты где? – голос матери был взволнован, как всегда в последнее время.

– Ма, я уже въехал в Сталинград, через час, если все нормально, буду дома.

– Господи, дай бог, – и мама отключилась, чтобы не расплакаться.

Через пять минут снова позвонили, это была уже Маша.

– Вань, ты как там? – голос Маши был напряжен.

– Привет, Маш, извини, что забыл позвонить раньше, честно говоря, не верил, что доеду, неприятная дорога была.

– Я так и думала, по радио передавали список уничтоженных наших городов, там Арзамас был, посмотрела по карте, а это как раз на твоём пути.

– Да, приятного мало, хорошо, что МЧС выдало костюм химзащиты, я в нем как раз сейчас в Сталинград въезжаю.

– Нам тоже костюмы выдали, я тут в госпиталь санитаркой устроилась. Ладно, не буду отвлекать, как дома будешь, позвони, целую.

– Целую, ты молодец у меня, – ответил Иван и опять натянул противогаз. Минут через десять его обогнал кортеж из нескольких черных электрических «рэндж-роверов». Они бесшумно, словно стоячего обошли его «вольво», хотя на спидометре было за сотню. Хозяйка жизни в городе смерти еще не перевелись и вели себя как прежде.

Быстро миновав Орловку, заметил слева эшелон с бронетехникой, который направлялся к Волжской ГЭС. «Через Волгу переправляют, на фронт», – мелькнуло у него в голове. Можно было рассмотреть под брезентом, что танки уже новые, в основном «Армата-2», видно сняли с западной границы. А вдруг, натовцы воспользуются этим и ударят сейчас? Воевать на два фронта России будет ох, как непросто.

Дорога была свободна, Иван быстро проскочил окраину Краснооктябрьского района, как и Спартановка, имевший все признаки ядерного удара и домчал до Дзержинского. Увидел недалеко от шоссе палаточный лагерь – госпиталь, а напротив него, через дорогу массовое захоронение, куда на грузовиках свозили трупы. Тут же огромные бульдозеры выкапывали глубокие траншеи, куда их и сваливали прямо из самосвалов. Вокруг сновали МЧС-ники в защитных костюмах, в небе вились тучи воронья. По мере приближения к центральному району машин прибавилось, но основная масса ехала в противоположном направлении, из города. В разрыве домов показалась скульптура Родины-матери без меча и Иван вспомнил историю, что меч она уже теряла как то давно, пока бетонный не заменили на более легкий, алюминиевый, и вот опять, видно взрывом оторвало.

Еще через минут десять, свернув на проспект Маршала Жукова, вышел на финишную прямую. До дома осталось всего с десяток километров. Вокруг, как ни в чем не бывало, светились огнями витрины магазинов, но народу было совсем мало. Значит, электричество в городе было, это немного успокоило. Небо потемнело, и Иван взглянул на часы, 21-35. Вскоре показался мост над железнодорожным вокзалом, и только въехав на него, он встал в пробку. Мост был узким, расширять его видно у властей денег не было, и две полосы здесь сливались в одну, создавая бутылочное горло. От нечего делать, стал рассматривать составы, стоящие перед вокзалом. Два были пассажирскими, один грузовой.

Вдруг со всех сторон из громкоговорителей, развешанных на столбах вокруг, раздалась сирена воздушной тревоги. Иван слышал ее только однажды, на учениях по гражданской обороне и даже в момент ядерной атаки на Горький ее не было, видно никто к ней не был готов. Сейчас же она звучала как-то странно и неуместно, учитывая царящее вокруг спокойствие. Водители в стоящих вокруг автомобилях стали беспокойно высовываться из окон, на вокзале люди побежали с перронов внутрь вокзала, видно там было бомбоубежище, а может быть просто решили спрятаться в подземном переходе.

Иван стянул с себя противогаз и опустил передние стекла, чтобы было лучше видно. И тут краем взгляда уловил какое-то движение справа под мостом. Неожиданно крыши контейнеров грузового состава пришли в движение и с тихим скрежетом сдвинулись, поднявшись вертикально сразу во всех вагонах. И тут же из их внутренностей поднялись к небу спаренные ракетные установки. «Так вот, что это за состав», – догадался Иван, – он слышал о таких поездах стратегической обороны, постоянно меняющих свою дислокацию, тем самым не дающим противнику возможности их отследить. И в эту самую секунду первые ракеты дали залп. За

ними сорвались с места остальные, по очереди, с разрывом в несколько секунд. Грохот стоял такой, что заложило уши, и Иван пожалел, что открыл стекла. Все вокруг заволочило едким дымом, он закашлялся, поднял стекла, включил кондиционер с фильтрацией воздуха и снова натянул противогаз.

Машины, наконец, медленно тронулись, водители нервно сигналили, пытаясь миновать открытый участок. Кто-то даже, психанув, развернулся через осевую, так как на противоположной стороне пробки не было. В небе таяли инверсионные следы от ракет, когда справа далеко за горизонтом расцвел ослепительным шаром зловещий цветок ядерного взрыва. И почти сразу такой же вспыхнул слева, немного ближе, там, откуда Иван только что приехал. Одновременно почти над головой на огромной высоте взорвались еще несколько, наверное, эти ракеты удалось перехватить системе ПВО далеко в атмосфере. Стало светло как днем, только свет этот сильно отличался от дневного каким-то неестественным химическим спектром. Тут мост будто подпрыгнул, машины, стоящие на нем подбросило и многие столкнулись друг с другом. В его «вольво» вцепилась стоящая сзади «газель», послышался звон разбитого стекла. До передней машины был приличный запас и к счастью, фары остались целы. Иван увидел слева просвет среди машин и рванул по встречке, стараясь быстрее миновать открытое пространство. Сверху пролетела часть крыши, сорванная со здания вокзала. Шпиль погнулся и звезда, венчавшая его, полетела вниз, в бегущую врассыпную толпу. Пролетев по встречной перекресток с улицей Мира, Иван вынужден был перестроиться вправо и, влившись в поток, быстро доехал до проспекта Ленина. Повернул налево и снова встал в вялотекущую пробку.

– Куда же на этот раз долбанули, – лихорадочно думал он, – вероятно, слева взрыв был над Алюминиевым заводом, больше там крупных предприятий не осталось, а справа, скорее всего, ударили по Химпрому, это далеко, в Кировском районе. Другие ракеты, летящие по остальным районам, наверное, сбили, судя по вспышкам в небе. Может быть, даже ракетами из состава, стоящего на вокзале, удачно он здесь оказался.

Вокруг люди в панике разбежались кто куда, некоторые машины выскочили на тротуар и пытались протиснуться между пешеходов, но кроме разбитых в ответ стекол ничего не выгадали. Ударная волна здесь прошла высоко стороной и видимых разрушений, за исключением нескольких разбитых стекол не было. Вскоре показалась площадь Ленина, и Иван свернул направо перед знаменитым домом Павлова. Пересек Советскую улицу, слева показалась Панорама Сталинградской битвы, и он свернул направо во двор.

– Доехал, все-таки, – подумал Иван, сдирая противогаз, чтобы легче было лавировать между припаркованными машинами, и увидел одиноко стоящую перед их подъездом фигурку матери. Она, конечно, не выдержала дожидаться его дома, спустилась вниз и сейчас со страхом смотрела на светопредставление в небе, но в подъезд так и не спряталась. Он остановился рядом с ней, перегородив проезд, вылез из машины, мама увидела его и бросилась ему на шею, которая сразу стала мокрая от слез.

Иван еще плохо слышал, уши заложило от грохота, а мама что-то пыталась ему втолковать, показывая ключи в руке. Наконец, она потащила его к соседскому гаражу, и он понял, что она просит его открыть.

– Соседи уехали из города и оставили мне комплект ключей, я сказала, что ты должен на машине приехать, – донесся до Ивана ее крик, – они вряд ли скоро вернуться, поставь машину в гараж, а то сейчас угоняют очень много.

Иван отпер замки, распахнул тяжелые створки и загнал машину внутрь. Попутно заметил, что правый задний фонарь разбит полностью, но левый еще горит. Гараж был из монолитного бетона, ворота крепкие, надежные. Он забрал из машины все вещи, запер ворота и пошел с мамой в подъезд.

– Ванечка, может, спустимся в бомбоубежище? – мать со страхом посмотрела на него, и Иван не стал спорить.

– Ты только поднимись в квартиру, я на кухне сумку с едой и документами на всякий случай собрала, лифт не работает, а мне тяжело подниматься будет, – мама сунула ему ключи от квартиры.

Иван легко взбежал на четвертый этаж, отпер дверь и замер в коридоре, прислушиваясь. Свет везде в городе уже погас и только из окон, выходящих на Волгу, шел тусклый свет. Он прошел через гостиную к окну и вышел на балкон. Жутко было находиться на месте, с которого упал отец, но Иван пересилил себя и посмотрел вниз. Ничего не разглядев в темноте, заметил справа вдали огненный гриб, уже выросший на несколько километров и постепенно затухающий. Второго гриба слева видно не было за домами. Он прошел на кухню, взял стоявшую там сумку и тихо вышел из квартиры. Спустившись, застал маму всю в слезах.

– Я подумала, а вдруг и здесь бомбу взорвут, а ты наверху, один.

– Ма, не бомбу, а ракету, и если взорвут здесь, все равно будет, вверху или внизу находишься, погибнут все одновременно, я даже сомневаюсь, что в подвале этом кто-то выживет при прямом попадании.

– Ладно, сынок все-таки среди людей не так страшно, я прошлую ночь глаз так и не смогла сомкнуть одна в квартире.

И они направились к входу в старое бомбоубежище, дорогу к которому уже успели обозначить указателями. Находилось оно в подвале соседнего дома, построенного еще в сталинские времена, когда ядерное оружие еще только появилось и от современных ракет, конечно, спасти не могло при прямом попадании. Но если бы они не оказались в эпицентре, шансы были, поэтому зайдя внутрь, обнаружили его почти заполненным. Двери уже были заперты, пришлось стучать, но им вскоре открыли и впустили внутрь.

Вентиляция в подвале не работала, но электричество было от стойки аккумуляторов, лампочки горели и шипела радиоточка, но кроме хрипов ничего не было слышно, после ядерных взрывов всегда сильные помехи. Из-за отсутствия вентиляции уже было душновато, до утра, если не открыть дверь, можно задохнуться.

Иван с матерью нашли свободное место, и присели на сложенные по кирпичам доски. Мама стала расспрашивать, как доехал, что произошло в Горьком, он рассеянно отвечал, одновременно разглядывая людей вокруг. В основном это были старики, женщины и дети, значит, молодежь уже успели мобилизовать или те, кто смог, эвакуировались. Вокруг стоял детский плач и стариковское причитание.

Закончив рассказ, они с мамой устроились поудобнее на досках, подстелив свою одежду и облокотившись на стену. Но заснуть так и не пришлось, так как, немного отойдя от первого шока, люди стали обмениваться последними новостями. Самой свежей новостью, которую передали за час до повторной ядерной атаки, было то, что китайский десант высадился в столице Казахстана Нур-Султане, военные базы и аэродромы блокированы, ракетные части разбомблены, на космодроме Байконур идут бои с российской воинской частью. Окружающие очень болезненно отреагировали на эту новость, ведь от Сталинграда до границы с Казахстаном было всего около 130 километров. Монголия уже добровольно вошла в КНР, казахи тоже долго сопротивляться не будут, по разрезу глаз они ближе к китайцам, чем к русским. Народ долго обсуждал все возможные последствия в течение часа и, когда постепенно шум затих, Ивана стало клонить ко сну. Левая рука до сих пор сильно болела, но накопившаяся усталость давала себя знать.

Проснулся он от сильной духоты и от включившегося радио. Весь мокрый от пота, Иван стянул с себя куртку, прислушался к дыханию спящей матери и пробрался поближе к радиоприемнику. Народ, сидящий ближе к радиоточке, уже не спал и тревожно вслушивался в каждое слово, пробивавшееся сквозь радиопомехи.

То, что он успел услышать, повергло Ивана в отчаяние. Этим вечером Китай повторил ядерную атаку на Россию, многократно увеличив количество ракет. Только по Москве было

выпущено более двух сотен боеголовок и системы ПВО не сумели перехватить их всех. Передавали, что столица разрушена полностью, но с утра была объявлена эвакуация, и большинству удалось покинуть пределы города до бомбардировки. Огромное количество народа скопилось в аэропортах, надеясь выехать из страны, но большинство рейсов были отменено, люди прибывали, и до удара удалось вылететь только несколькими самолетами. Тем, кто кинулись на железнодорожные вокзалы, повезло больше, поезда продолжали ходить по расписанию, хотя и переполненные. На автомобилях уехать успели не все, помешали огромные пробки, но части удалось достичь области. Кто-то пытался отсидеться на своих дачах, в деревнях у родственников, но удар по Москве был настолько разрушительным, что в радиусе тридцать километров выгорело почти все. Так же были разрушены все города – миллионники, и населенные пункты, имевшие хоть какое-то крупное производство. Перечень атакованных городов передавали около пяти минут. Количество выпущенных по России ракет сейчас подсчитывалось, но счет шел уже на тысячи. Диктор в конце сообщил, что наши ракетчики вовремя заметили китайские пуски и успели ответить всеми оставшимися ядерными силами. В результате китайская территория практически полностью накрыта и не будет пригодна для проживания десятки лет. После этого специальный корреспондент из США сообщил, что произошел тектонический сдвиг тихоокеанской плиты, вероятно из-за землетрясения, вызванного множеством ядерных взрывов. В Японии, Корее и на западном побережье США отмечены огромные цунами, затопившие прибрежные районы. В Японии и на Курилах произошло извержение нескольких вулканов, в том числе Фудзиямы, а в самих США проснулся Йеллоустонский вулкан. Американские спутники передали, что на китайской территории зарегистрировано около шести тысяч ядерных взрывов и несколько тысяч было перехвачено в верхних слоях атмосферы, около четырех тысяч взорвалось на территории России и примерно столько же перехвачено. Радиоактивному заражению подверглась вся западная часть России до Урала, и облако направляется сейчас к Восточной Европе. Заражение с китайской территории распространяется ветрами в основном на юг, скоро накроет Вьетнам, Лаос, Мьянму, Бангладеш и Тайланд. Одновременно вновь обострился конфликт Пакистана с Индией и стороны обменялись сегодня ядерными ударами. Северная часть Индии и практически весь Пакистан уничтожены.

Народ зашумел, проснувшиеся дети снова заплакали. В это время другой диктор сообщил, что новому военному правительству России удалось покинуть Москву до последней ядерной атаки, и оно осуществляет командование из секретного бункера в Московской области. Китайское правительство уничтожено контактными ядерными боеприпасами в бункере и руководство страной взял на себя генерал с труднопроизносимым именем, находившийся в момент удара на российской территории. Практически вся армия Китая расползлась по территории России, Монголии и Казахстана, никто ее ядерными ракетами не бомбил и уничтожены были лишь войска, аэродромы, техника и военные предприятия на китайской территории. И задача уничтожения огромной армии агрессора ложилась теперь на общевойсковые части и фронтальную авиацию России, уцелевшую после последней ядерной атаки. По заключению специалистов, ядерного оружия у Китая и России почти не осталось, флоты обеих стран в Тихом океане тоже практически уничтожены в бою либо от цунами. И складывалась парадоксальная ситуация, когда от Китая в основном осталась только армия, перешедшая границу и гражданские переселенцы на российской территории.

Народ начал проклинать правительство, военных, как своих, так и китайских, и поднялся жуткий гвалт.

Иван с трудом расслышал, как диктор сообщил, что китайские войска уже вышли к российско – казахской границе и вступили в бой с нашими пограничными войсками. Из-за больших потерь в авиации и утратой своих аэродромов значительные десантные операции стали невозможными из Китая, но у врага оставались уцелевшие аэропорты в Сибири и на Дальнем востоке. Стало быть, десант возможен только оттуда, поэтому придется бить по своим же аэро-

дромам. Далее последовала очередная пропаганда – всем срочно записываться в ополчение, молодежи вступать в армию, остальным рыть окопы, спасать раненых.

Какой-то мужик в сердцах выключил радио и начал проклинать англо – саксов, мол, это все они подстроили. Ведь всем известно, что масоны давно мечтали уменьшить население планеты и убрать их основных соперников – Россию, Китай и Индию, самые населенные страны, причем их же руками. А США и Великобритания как всегда останутся в стороне и на развалинах мира снова возглавят утерянное мировое лидерство.

Иван в чем то был с ним согласен, недавно прочел несколько книг об истории Второй мировой войны и как пришел к власти Гитлер благодаря помощи англосаксов. Тогда им надо было уничтожить Советский Союз и ослабить войной Европу, как во время Первой мировой развалили Российскую и Германскую империи. Только с Россией опять ничего не получилось, она каждый раз становилась только сильнее. И только из-за предательства Горбачева и Ельцина им это почти удалось, Россия перестала быть супердержавой. Но появились новые опасные соперники – Китай, Индия и Германия. Иван помнил историю с Калининградской областью, когда немцев спровоцировали потребовать у России вернуть ее, натовский флот даже попытался блокировать российские порты на Балтике, начались боевые действия на границе и в море. Но когда русский тактический ядерный заряд неожиданно взорвался посреди натовской эскадры, потопив с десятков эсминцев и фрегатов, главы европейских государств тут же одумались и прекратили военные действия. Было понятно, что следующей целью будут европейские столицы и даже далекие США, ведь ядерные мины давно ждали своего часа у их побережья, никакое ПРО не поможет. Но тут, под шумок Китай оккупировал в течение нескольких дней Тайвань, и вся мировая пресса переключилась на эту новость. Про конфликт в Балтийском море быстро забыли, даже гробов никто никуда не доставлял, ведь трупы были глубоко на дне, а значит и концы в воду. У нас также погибло несколько кораблей, но и они практически исчезли бесследно. Удалось похоронить только несколько десятков пограничников и танкистов, участвовавших в боях на границе, но и эти похороны власти попытались замолчать. Народ тогда немного пороптал и смирился, даже демонстраций антивоенных не было. Кто же мог тогда подумать, что это только начало...

Тут какая то толстая тетка начала причитать, что сами виноваты, не надо было первыми ядерными ракетами по Китаю бить, сидели бы тихо, как раньше, и нас бы не стали уничтожать. В спор тут же включились сразу несколько мужиков, мол, надо было сразу ответить первого января, может, китайцы и не посмели бы Сибирь захватывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.